

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 5 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern. . . 1. mk. (6 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 23-24 (379-80)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Tel.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux: Le Courrier Socialiste — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

22 Декабря 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: После с'езда.

Ф. Дан. Защита мира.

А. Югов. Промышленность СССР в 1936 г.

С. Шварц. Новосибирский процесс.

А. Шифрин. Испания и Европа.

И. Греков. Камо грядеши?

В Рабочем Интернационале: Совместное заседание РСИ и МФПРС. — Об испанской революции.

За границей: Уроки победы Рузвельта. — Сталинцы в Испании.

Фельетон: В. Александрова.

У. З. Как готовился московский процесс? (Из письма старого большевика).

По России: Москва. — Конституция и расстрелы. — Как объяснить? — Иллюзии Сталина. — Рост оппозиционных настроений. — Политизация общественной жизни. — Шлюзы приоткрыты. — Расправа от испуга и для испуга. — В советской провинции: а) На металлическом заводе; б) Отклики на испанские события.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

«Возвращение из СССР».

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

8-й Чрезвычайный Съезд Советов СССР закончен. Новая конституция принята единогласно. День 5-го декабря объявлен всесоюзным праздником, отмечен «всенародным ликованием», завешан на века и тысячелетия в память грядущим поколениям всего мира, как дата величайшего в истории человечества события. В жизни земного шара открывается новая эра...

В таком тоне славит советская печать работу с'езда, давшего Советскому Союзу новую, небывалую по своему совершенству конституцию, которая запечатлевает победу социализма и должна отныне служить примером и образцом для подражания всем странам и всем народам.

Между тем на самом деле никакого с'езда не было. Был огромный митинг, участники которого были в ладоши до мозолей на руках, до хрипоты кричали ура и пели Интернационал, десятки раз вставали с мест и предавались «бурным овациям», сотни раз поднимали руки, вооруженные мандатами, по требованию председателя. Были ораторы — до шести десятков, говорившие о международном положении, о внешней политике Советского Союза, о его военной мощи, о «наших достижениях» хозяйственного и культурного порядка, о подвигах стахановцев и их веселой и зажиточной жизни и неизменно заканчивавшие свои речи, как один, проклятиями по адресу «троцкистско-зиновьевской сволочи» и акафистами по адресу великого, мудрого, обожаемого, гениального друга трудящихся и вождя народов. Ру-

коплексаки, кричали, пели, говорили обо всем на свете — кроме той единственной темы, которая стояла в порядке дня с'езда: об обсуждении проекта конституции не было и речи. Не было произнесено ни одного слова критики, не было сделано ни одного предложения, не было внесено ни одной поправки, не было высказано ни одного серьезного суждения о тех новых условиях, в которых отныне должна протекать советская жизнь и которые, если верить разглагольствованиям советской печати о всемирно-историческом значении даты 5 декабря, должны так радикально отличать порядки завтрашнего дня от порядков сегодняшнего и вчерашнего. Сплошное ура!

Было впрочем исключение — одно единственное, еще больше подчеркнувшее, что никакого с'езда, в сущности, не было. Один оратор говорил действительно «на тему». Но этим оратором был сам Сталин. Все другие, даже самые сановные, если и упоминали мимоходом о конституции, то лишь затем, чтобы дословно цитировать гениальные сталинские изречения. Сталин прочел вступительный доклад. Сталин заранее указал приемлемые поправки. Сталин возглавлял редакционную комиссию, состоявшую из 220 сановников и знатных людей и заседавшую почему то при закрытых дверях. Сталин прочел заключительный доклад, в котором сообщил о внесении в первоначальный проект 43 поправок, из которых 36 «носят чисто редакционный характер» и потому «не нуждаются в спе-

циальном разборе». Сталин огласил в своем докладе те 7 поправок, которые признаны «сколько-нибудь существенными», и «мотивировал» каждую из поправок в отдельности, правда, одним и тем же семикратным монотонным заявлением, что и эти существенные поправки «в разъяснении не нуждаются». Сталин закончил этот 5-минутный доклад несколькими неожиданным заключением, что «всенародное обсуждение (проекта конституции) бесспорно принесло громадную пользу». Сталин стал и по поводу этого доклада объектом повторных «долго несмолкающих оваций» и приветственных возгласов: «Ура товарищу Сталину! Ура!» — после чего делегатам осталось лишь 150-кратным поднятием рук и столь же обильными бурными рукоплесканиями и овациями по адресу Сталина утвердить все 146 статей конституции и всю конституцию в целом, поручить разработку и утверждение положения о выборах и назначение сроков выборов старому ЦИК'у СССР, объявить день 5 декабря всенародным праздником, признать съезд законченным и раз'ехаться по домам, чтобы немедленно начать на бесчисленных собраниях и митингах делиться с вольными и невольными слушателями восторгом — опять-таки не столько по поводу вступления в силу новой конституции, сколько по поводу выпавшего на долю всех делегатов вместе и каждого из них в отдельности счастья лицезреть и слушать любимого, родного, мудрого, великого, гениального товарища Сталина.

Этот порядок прохождения «величайшего акта» в истории человечества сам по себе убедительно свидетельствует о характере только что закончившегося съезда, а вместе с тем и о том, что по мысли гениального «творца конституции» принятие ее не должно ни в чем сколько-нибудь существенном изменить установившийся за последнее десятилетие «образ правления». Как мы и предполагали, ни один делегат не посмел возвысить критического голоса. Без малейшего подобия сколько-нибудь серьезных прений были приняты единогласно не только оставшиеся неизменными статьи конституционного проекта, о которых можно, хотя бы формально, сказать словами Сталина, что они были предметом «всенародного обсуждения», но и такие, более чем «существенные» поправки, как установление права наследования не только вещной личной собственности, но и «сбережений», впервые легализующее накопление крупных богатств в руках отдельных семей; как изменение численного состава и порядка выборов в Совет Национальностей, формально означающее уравнивание его в обоих этих отношениях с Советом Союза — второй составной частью Верховного Совета, — но на деле, в силу самой конструкции его, укрепляющее его положение в качестве «верхней», и притом наиболее тесно связанной с центральным, республиканскими и областными правительствами, палаты; как предоставление Президиуму Верховного Совета права самостоятельно, без созыва советского «парламента», объявлять войну не только «в случае военного нападения на СССР», что еще может быть оправдано необходимостью немедленного отпора, но и «в случае необходимости выполнения международных обязательств» — случае, который, по существу, несколько не оправдывает отказа от созыва экстренной сессии Верховного Совета.

Но, если на съезде не было и подобия прений по содержанию конституции и внесенных поправок, то уж окончательно и заикнуться никто не посмел о тех основных вопросах, ответами на которые только и определяется непосредственное значение введения новой конституции для всего политического уклада советской жизни. Никто ни звука не проронил о том, как-же отразится обещанный этой конституцией

режим «самой совершенной демократии» на существующей ныне системе безудержного произвола ГПУ и административно-судебного террора; как скажется он на положении организаций трудящихся, всецело закрепощенных ныне партийно-бюрократической опеке; как повлияет он на состояние самой коммунистической партии, доведенной до полного духовного и политического омертвения; и — вопрос вопросов! — как сочетается эта «самая совершенная демократия» с тем режимом «тотального» единовластия, который стал за последние годы действительным «политическим строем» Советского Союза и которому все поведение съезда дало такое громкое «плебисцитарное» освящение.

Всех этих основных вопросов не коснулся в своем докладе и сам Сталин. Он не потребовал пока, как этого можно было опасаться, формального закрепления своей единоличной диктатуры. Он даже великодушно отверг внесенную кем-то из безлестных преданных и весьма прозрачную по своим целям поправку о выборе председателя Президиума Верховного Совета СССР непосредственно «всем населением страны», сославшись на «опыт истории» и желание «гарантировать страну от нежелательных случайностей». Но, опираясь на решения и поведение съезда, он с полным правом может, слегка перефразировав, повторить известное изречение Николая II-го: конституция конституцией, демократия демократией, но «единодержавие мое остается, как встарь»...

Доклад Сталина, объявленный, разумеется, сверхгениальным и печатающийся в десятках миллионов экземпляров чуть не на всех языках мира, был на самом деле лишь банальнейшим пересказом того объяснения возможности перехода к «самой совершенной демократии» (предрешенность победы социализма, стирание граней между классами и пр.) и той элементарно-упростительской критики несовершенств «буржуазной демократии» по сравнению с демократией советской, которые уже давно пережевываются на столбах советской печати, о которых мы уже не раз говорили и к которым нет поэтому никакой надобности возвращаться еще раз. Действительный интерес представляет поэтому лишь та часть сталинского доклада, которую он посвятил «критике проекта конституции» — конечно, зачислив всю критику сплошь по «буржуазному» ведомству, хотя буржуазия-то как раз меньше всего занимается такой критикой, как и критикой сталинского режима вообще.

Интерес этой части доклада заключается опять-таки не в том, что Сталин сумел сказать тут что либо новое, а именно в том, что он ничего не смог прибавить к тому жалкому лепету, которым до сих пор отвечала на социалистическую критику советская печать. Более того: как и эта печать, он попросту обошел молчанием действительную аргументацию этой критики и тем самым показал, что она действительно ударяет его по «больному месту», что ее ему, говоря советским жаргоном, «нечем крыть». Нужна была поистине беспредельная невзыскательность или «превентивная» готовность аудитории покрывать «бурными овациями» любое сталинское слово, чтобы не заметить или не захотеть заметить того полнейшего провала, каким закончилась неосторожная попытка гениального вождя публично «дискутировать» с социалистической критикой, нас в данном случае единственно интересующей.

Сталину, конечно, было нетрудно ответить тем, кто пытался вообще «замолчать проект конституции». Но он уже не нашел ни одного аргумента для возражения

тем, кто считает этот проект «пустой бумажкой, пустым обещанием, рассчитанным на то, чтобы сделать извещенный маневр и обмануть людей». Ответ на это, во всяком случае «существенное», мнение он заменяет не имеющей никакого отношения к этому мнению полемикой с «германским официозом», утверждающим, что СССР «не является государством», а «представляет не что иное, как точно определяемое географическое понятие». Не отвечает он по существу и «скептикам», полагающим, что положения конституции «вообще неосуществимы и должны остаться на бумаге»: нельзя же считать ответом заявление, что «скептики провалятся нынче так же, как они не раз проваливались в прошлом!» Нечего ему ответить, наконец, и тем, кто смотрит на новую конституцию, как на «сдвиг вправо», как на «отказ от диктатуры пролетариата» и «ликвидацию большевистского режима». Как ни мало пригодны схематические термины «вправо» и «влево» для характеристики тех сложных и противоречивых процессов, которые имеют место в Советском Союзе, ясно во всяком случае, что критики, употребляющие эти термины, ставят вопрос об общих социально-политических тенденциях современной фазы советского развития, и вряд ли можно признать достаточным ответом на этот фундаментальный вопрос напоминание о гоголевской «девиченке», не умевшей отличать правой стороны от левой, хотя бы это напоминание и вызывало в почтительной аудитории «общий смех» и «продолжительные аплодисменты». Но окончательно беспомощным становится Сталин, когда переходит к той пятой группе критиков, которая

обвиняет проект конституции в том, что он ничего не меняет в существующем положении в СССР, что он оставляет нетронутой диктатуру рабочего класса, не допускает свободу политических партий и сохраняет в силе нынешнее руководящее положение партии коммунистов в СССР.

Здесь Сталин начинает с того, что попросту и з в р а щ а е т «обвинения», предъявляемые проекту конститу-

ции данной «группой критиков» — по крайней мере, поскольку в эту группу входит и наша партия, «открытое письмо» которой осталось, конечно, неизвестно огромному большинству делегатов съезда, но самому Сталину, разумеется, хорошо знакомо. Наша партия не обвиняет проект в том, что он «сохраняет в силе руководящее положение партии коммунистов»; наоборот, она констатирует, что эта партия, превращенная Сталиным в ходячий политический труп, давно уже неспособна к какой-либо «руководящей» роли, а играет роль чисто служебную. Наша партия не обвиняет проект и в том, что он «не допускает свободу политических партий»; она обвиняет его в гораздо большем преступлении: в недопущении организационной и идейно-политической свободы рабочего класса и трудящихся вообще, — свободы, при наличии которой вопрос о свободе политических партий разрешается сам собой, при отсутствии которой говорить о свободе политических партий, и притом не только социалистических, но и самой коммунистической, совершенно бессмысленно. Наконец, меньше всего наша партия обвиняет новую конституцию в том, что она «оставляет нетронутой диктатуру рабочего класса». Наоборот, она обвиняет ее в том, что она имеет в виду оставить «нетронутой» единоличную диктатуру Сталина, давно уже упразднившую последние остатки «диктатуры рабочего класса», а ныне в конец ликвидирующую в свою пользу и диктатуру коммунистической партии над рабочим классом. Но об этих подлинных «обвинениях», стоящих вместе с тем в упор основные вопросы советской демократизации, Сталин, как уже отмечено выше, не проронил ни слова. Наоборот, он постарался — и не без основания! — тщательно скрыть их от своих слушателей. «Группа критиков», к которой принадлежит наша партия с ее «Открытым письмом», осталась без ответа, — и это, конечно, самый лучший

„Возвращение из СССР“

Пусть экономисты и статистики с цифрами и учеными выкладками в руках доказывают, что капитализм справится и с нынешним затяжным своим кризисом, что Европа уже вступает в полосу нового «оживления», — радикально-настроенная часть интеллигенции Запада, ее идеологи, писатели и художники пребывают в состоянии людей, на мгновение заглянувших в лицо смерти; на какой-то большой глубине в них подсечена вера в творческие возможности на старых путях. История западной интеллигенции знавала и раньше глубокие кризисы сознания, которые выражались в бегстве в прошлое, в природу, в романтику девственных стран. Сейчас — и это ново — эта интеллигенция в лице своих выдающихся представителей тянется к пролетариату, в котором смутно ощущает притаившиеся неизрасходованные творческие возможности.

В этих условиях понятна и тяга этой части интеллигенции к Советскому Союзу: в огромной, бедной и отсталой стране волею и усилиями безвестных миллионов осуществлена революция, сломившая все устои старого общественного порядка. Пусть строительство новой жизни идет иногда и уродливыми путями, но и затихая, ветер большой революции доносит оттуда весть об обновлении.

При всей искренности и постоянстве этого основного чувства к Советской России оно с годами претерпевает глубокие изменения. Пока революция была на подъеме, тяга к ней высвобождала активные револю-

ционные эмоции, по мере того, как новый строй стал утверждаться, то же отношение вызывает к жизни эмоции иного, консервативного порядка, выражающиеся в канонизации существующего советского режима. На этой почве рано или поздно был неизбежен внутренний конфликт. Особенно отчетливо проступила неотвратимость его на прошлогоднем Парижском международном конгрессе писателей в защиту культуры. Ряд выдающихся западно-европейских писателей, бичевавших с трибуны съезда фашизм за угнетение свободной мысли и подавление личности, оказался бессилем не только разрешить, но даже поставить ту же проблему применительно к Советскому Союзу. Больше того: когда вопрос этот был затронут в докладах итальянского историка Сальвемини и французской социалистки Мадлен Паз, поднявшей вопрос о заступничестве съезда за томившегося в советской ссылке французского революционного писателя Виктора Сержа, никто иной, как Андрэ Жид, от имени президиума и своего собственного оборвал разгоревшуюся было дискуссию заявлением, что преследования, которым подвергся в Советском Союзе Виктор Серж, не колеблют «чувств привязанности и любви к Советскому Союзу». То, что это заявление было сделано Андрэ Жидом, писателем за спиной которого стояли 30 лет мужественной борьбы за свободу личности, за свободу творческих исканий, только усилило ощущение неизбежности нового конфликта.

ответ, самый сильный аргумент в пользу ее социально-революционной критической позиции, какой только мог быть дан со столь высокой трибуны и столь компетентным оратором!

Но и по поводу «свободы политических партий», которой Сталин считал нужным посвятить несколько слов, он сумел только в сотый раз повторить:

В СССР имеются только два класса, рабочие и крестьяне, интересы которых не только не враждебны, а наоборот, — дружественны. Стало быть, в СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит и для свободы этих партий. В СССР имеется почва только для одной партии, Коммунистической партии. В СССР может существовать лишь одна партия — партия коммунистов, смело и до конца защищающая интересы рабочих и крестьян. А что она не плохо защищает интересы этих классов, в этом едва ли может быть какое-либо сомнение.

И эта пошлость была покрыта «бурными аплодисментами» — тех самых слушателей, которые через несколько минут не менее бурно аплодировали заявлению того-же Сталина (по поводу предоставления избирательных прав бывшим «лишенцам»):

Волков бояться, в лес не ходить... Если народ кой-где и избереет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор...

Не следовало-ли бы таким же путем свободной конкуренции с другими партиями, хотя бы и «враждебными», проверить, точно-ли рабочие и крестьяне «много довольны» тем, как коммунистическая партия защищает их интересы? — этого вопроса поставить Сталину ни один из его слушателей, разумеется, и помыслить не смел. Ибо

если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устранить недовольных: достаточно запретить гражданам выражать недовольство, лишить их всех средств выражения мыслей, жела-

ний и требований, лишить их газет, собраний, союзов, партий, а для упорствующих и особо провинившихся в прошлом выстроить и приспособить определенное количество тюрем и концентрационных лагерей, а также виселиц и плах.

Так сказал Литвинов — «Это и называется фашизмом», пояснил он! — и вызвал... «общий смех». Не знаем, вторили-ли этому смеху в концлагерях Севера, Сибири, Дальнего Востока, в политизоляторах Суздаля и Верхне-Уральска. Не знаем, смеялись-ли Радек и Сокольников, Угланов и Пятаков, Серебряков и Путьна в застенках Лубянки. И, увы, уж наверное не могли принять участия в общем весельи Зиновьев и Каменев, Смирнов и Мрачковский, и столь многие, многие другие... Но Кремлевский зал грохотал: «Ура товарищу Сталину! Ура!»

«Самодержавие мое остается, как встарь»... Автор этого изречения на своем собственном ужасном опыте познал, как безнадежно, в конце концов, стремление искусственными мерами задержать ликвидацию исторически пережившего себя режима единовластия, и какой трагический финал подготавливают попытки перехитрить историю и подпереть такой режим конституционно-демократическими государственными формами, самый принцип которых ему непримиримо враждебен и самая апелляция к которым свидетельствует об его исторической обреченности. Однородного трагического финала приходится опасаться и для попыток Сталина сочетать сохранение, «как встарь», своей единоличной диктатуры с введением «самой демократической» конституции в мире, — опасаться потому, что, как мы неоднократно уже об этом говорили, в сложившихся условиях трагический финал Сталинской диктатуры может оказаться трагедией и всей великой русской революции, всего международного рабочего движения, всей мировой демократии и всего мирового социализма.

Одно обстоятельство ускорило, может быть, осознание этого конфликта. Это движение Народного Фронта в ряде стран и особенно во Франции. Можно и нужно критиковать практику Народного Фронта, но нельзя не видеть за ним главного: факта консолидации и активизации сил европейской демократии, который в свою очередь действует ободряющее на психику зашедшей было в тупик радикальной интеллигенции, вновь будя в ней потребность вложиться в борьбу на том единственном фронте, на котором она сама росла и укреплялась — на фронте борьбы за свободу мысли.

Вот почему недавно вышедшая и произведшая громадное впечатление книга Андре Жида «Возвращение из СССР», написанная после пятидесятилетнего пребывания писателя нынешним летом в Советской России, приобретает такое исключительное и симптоматическое значение.

Если бы Андре Жид поехал в СССР непосредственно после прошлогоднего конгресса, от его взора, вероятно, не ускользнуло бы все то, о чем он с таким волнением и искренностью рассказал в своей книге, но может быть он бы ее не опубликовал: «Глупость и бесчестность нападок на СССР вынуждает нас вкладывать известное упрямство в его защиту», пишет Жид. «Слишком часто друзья СССР отказываются видеть там плохое или по меньшей мере его признавать; слишком часто правда о России говорится с ненавистью, а ложь — с любовью». И сколько должен был передумать и перестрадать Жид, чтобы из-под его пера могли вылиться сдержанные, но страстные строки: «Пребывание в СССР или в Германии помогает нам оценить бес-

ценную свободу мысли, которой мы еще пользуемся во Франции и которой иногда злоупотребляем».

Но значение книги Андре Жида не исчерпывается тем, что она является знаменательной вехой в развитии европейской интеллигенции. «Возвращение из СССР» — выдающееся свидетельство о Советской России, хотя в ней нет ни цифровых данных, которыми так богаты книги других знаменитых путешественников, ни интервью с руководителями советской политики, и даже редки высказывания заурядных советских граждан. Значительным документом нашей эпохи делает книгу Андре Жида то, что при всей внешней отрывочности и даже некоторой случайности его наблюдений он сумел схватить в плане громадной завершенной революции все основные социально-психологические явления новейшего советского развития. Совсем не касаясь чисто политической проблемы этого завершительного периода, писатель сумел вскрыть и все кризисные точки новейшего развития, которые осложняют завершение этой революции на основах, отвечающих чаяниям и интересам миллионов трудящихся.

Впечатления, которым Андре Жид придает решающее значение и к которым неоднократно возвращается под разными углами зрения, охватывают прежде всего проблему принудительного единомыслия или «конформизма», специфической черты всех современных диктаторских режимов. «Мы восторгаемся в СССР необыкновенным порывом к образованию, к культуре. Но это образование ограничивается стремлением подвести

Сталин прав: новая конституция «действительно оставляет в силе» тот режим, который он называет «режимом диктатуры рабочего класса», но который на деле является лишь режимом его собственной единоличной диктатуры. Она действительно «сохраняет без изменения» то, что он именует «руководящим положением коммунистической партии», но что на деле сводится лишь к его собственному безграничному и бесконтрольному единовластию. В этом — громадная опасность создающегося ныне положения. И все-же и мы считаем день вступления в силу новой конституции великой и исторической датой, хотя совсем не в том смысле, как славословит ее подъяремная Сталину советская печать.

Пусть «ура» стало единственным словом политического лексикона, которое еще может громко раздаваться на советской земле. Пусть вместо «устранения недовольства» Сталинская диктатура с тем большим ожесточением «устраняет недовольных» теми методами, которые так красочно и так точно описал Литвинов. Ни показные восторги и единодушные «бурных оваций», ни свирепая расправа с «недовольными» не могут помешать нам видеть, что единоличная диктатура уже и сама сознает свою историческую обреченность: разве не об этом сознании свидетельствуют ее судорожные метания между «самыми демократическими» принципами новой конституции и самыми варварскими формами старого террора? Ее ликвидация подготовлена теми самыми гигантскими хозяйственными успехами, которые в течение ряда лет служили ей опорой. На почве этих успехов сложились совершенно новые соотношения социальных сил, рвущихся к самоутверждению и требующих для этого самоутверждения новых государственных форм.

Если бы на фундаменте радикально преобразованной экономики страны действительно воздвигалась надстройка того гармонического и чуждого социальных противоречий общества, о котором так сладко поют Сталин

и его приспешники, то и в этом случае единоличная диктатура превратилась бы в ненужный, омертвевший привесок, который это общество скинуло бы с себя простым движением руки. Обреченность ее была бы несомненна и в этом случае. Но на самом деле советская жизнь бесконечно далека от такой идиллии. На самом деле она пропитана антагонизмами, которые настоятельно требуют своего разрешения и примирения. На самом деле в ней идет — пока глухая и подспудная, но все нарастающая борьба различных тенденций развития, все более облекающаяся в массовую плоть, все больше стимулирующая массовую энергию, для возрождения которой именно успехи хозяйственного развития создали новую почву. Пусть на поверхности советского моря царит тишь, гладь и солнечное ликование; в глубинах его накапливаются массовые силы и массовые энергии, которые прорвутся рано или поздно трагической бурей, если не получат законных, упорядоченных, организованных путей для своего проявления и для осуществления своих задач.

Великое, историческое значение новой конституции мы видим в том, что она впервые после свыше чем 15 лет приоткрывает хотя бы узенькую расщелину в той сплошной железо-бетонной стене террористической диктатуры, которая преграждает рабоче-крестьянским массам все пути к легальному, организованному отстаиванию своих интересов. В тайне выборов мы видим прежде всего эту расщелину. Конечно, то положение о выборах, которое выработает ЦИК, может еще тысячами прямых и не прямых способов вновь наглухо законопатить и эту небольшую расщелину и попытаться таким образом и впрямь превратить новую конституцию в «пустую бумажку», в простой обман. Но — «на обмане далеко не уедешь», сказал сам великий Сталин — конечно, опять-таки не о своем режиме, а о фашистском. Сделав террористическую стену снова совершенно непроницаемой для политической энергии масс, Сталинская диктатура лишь обрекла бы себя —

разум к мысли: О, СССР, слава тебе, единственная надежда! Вся культура заострена на этой мысли, в ней нет ничего бескорыстного, а дух критики (к прискорбию марксизма) здесь отсутствует почти полностью». Правда, в Советской России много говорят о «самокритике» и сам Жид восторгался ею из прекрасного далека; вблизи он «скоро должен был понять, что за пределами доносков и сигналов о том, что суп в общественной столовой плохо сварен или читальный зал в клубе плохо выметен, критика эта ограничивается лишь постановкой вопроса — а соответствует ли то или иное явление «линии». О самой линии спорить невозможно. Дискутируют лишь о том — соответствует ли данное произведение, данный жест или данная теория духу этой священной линии. И горе тому, кто попытался бы выйти за ее пределы».

Глядя на советских граждан, сумевших настолько жить в это официально единомыслие, что оно даже перестает казаться лицемерием, Андре Жид невольно задумывается: «Неужели эти люди совершили революцию? — Нет, эти только пользуются ее плодами».

Две громадные области общественной жизни особенно остро испытывают гнет «конформизма» — политика и искусство. «Уничтожить в государстве оппозицию или даже просто мешать ей высказываться, выявляться — это страшная вещь, это призыв к терроризму». То, что сегодня в Советском Союзе считается «контр-революционным», на самом деле «есть тот самый революционный дух, тот фермент, который когда-то взорвал наполовину сгнивший старый царистский мир». Но сегодня дух этот не в почете. «Сегодня требуется приятие,

конформизм, требуется одобрение всего, что делается в СССР; чего здесь добиваются, это, чтобы одобрение было не вынужденное, а искреннее и даже восторженное. И самое поразительное — это удается»... «Я сомневаюсь — с большой грустью добавляет Жид — чтобы возможна была какая-нибудь другая страна, не исключая и Гитлеровской Германии, в которой дух был бы менее свободен, более согбен, более боязлив (терроризирован), более подчинен». «Иногда спрашиваешь себя, да мог-ли бы вернуться сюда сам Ленин?»

В этой связи затрагивает Жид и вопрос о «диктатуре пролетариата»: «Нам обещали диктатуру пролетариата. Но это не так. Диктатура имеется, — это очевидно, но это диктатура одного человека, а не диктатура пролетариев, объединенных в советы. Здесь важно не дать себя ввести в заблуждение и нужно иметь силу признать: это не то, чего хотели. Еще один шаг и мы скажем: именно этого и не хотели». На этом фоне культ Сталина не мог не произвести на Жида самого тягостного впечатления *).

*) В бытность его в СССР Жиду и на собственном опыте пришлось испытать унижительность этого обязательного культа. Во время своего путешествия по Кавказу Жид со своими спутниками проезжал родной городок Сталина и ему захотелось воспользоваться этим случаем, чтобы послать оттуда телеграмму Сталину. Он тут же набросал текст: «Проезжая Гори, испытываю сердечную потребность обратиться к Вам...» — Внезапно переводчик прервал Жида, заявив, что простое обращение на «Вы», когда речь идет о Сталине, невозможно. Жид запротестовал, но переводчик и другие спутники настаивали прибавить «вождь рабочих» или «вождь народов». В конце концов Жид вынужден был уступить. «Пусть

в ближайшем же окружении своем — на те «нежелательные случаиности», которым, как тоже напоминает многократный «опыт истории», всегда расчищает в таких условиях дорогу рожденное безнадёжностью равнодушие недовольных, но бессильных масс; либо же, если бы сковать энергию масс ей все же не удалось, или внешние события (война!) дали выход этой энергии, она — тоже «как встарь!» — лишь подготавливала и ускоряла бы неизбежный в этом случае взрыв...

Пока этого не случилось, все силы тех, кому дорого дело революции, демократии и социализма, должны быть направлены на то, чтобы превратить тайные выборы в

тот рычаг, которым рабоче-крестьянские массы будут, пусть медленно и постепенно, но безудержно и неуклонно расширять открывающуюся в железной стене единоличной диктатуры брешь, — пока перед ними не откроется гладкая и широкая дорога для действительно-го завершения начатой в 1917 году революции в интересах и в духе трудящихся Советского Союза и всего мирового социализма.

После съезда мы можем лишь повторить то, что писали перед ним: историческое значение новой конституции не в том, что она заканчивает борьбу масс за демократизацию, а, наоборот, в том, что она кладет ей на-чало.

ЗАЩИТА МИРА

Крупнейшим фактом международно-политического значения является бесспорно новая франко-британская инициатива в испанском вопросе.

Августовское соглашение о «невмешательстве» оказалось, как и следовало ожидать, действительным лишь постольку, поскольку оно лишило демократически избранное, легальное правительство Испании его законнейшего права открыто закупать оружие, необходимое ему для подавления генеральского мятежа. Оно несколько не помешало фашистским участникам соглашения — Германии и Италии, при деятельном пособничестве Португалии, снабжать мятежников военными аэропланами, танками, пушками, подводными лодками, а в последнее время и значительными контингентами солдат, которые, по показанию испанского министра иностранных дел, т. Дель-Вайо, сами называют себя — быть может, не без примеси горькой иронии — «белыми маврами». Соглашение о «невмешательстве» несколько не

помешало Португалии, Германии и Италии порвать дипломатические сношения с законным правительством испанской республики, а последним двум и совершить такой явный, ничейный акт «вмешательства», как признание мятежного Бургосского правительства. Вынужденное всем этим заявление советского правительства, что, оставаясь членом Лондонского комитета и не снимая своей подписи под договором соглашения, оно на деле будет считать себя связанным им не более, чем другие участники его, окончательно вскрыло иллюзорность самого соглашения, как средства предотвратить перерастание испанской гражданской войны в войну международную. Как опять-таки вполне правильно заметил тов. Дель-Вайо в своей речи перед Советом Лиги Наций, «война уже налицо, международная война на испанской почве». От этой войны, в надежде предотвратить ее, хотели «отсидеться» невмешательством Франция и Англия, одни только строго соблюдавшие соглашение. Это не удалось. Теперь речь идет уже не столь-

Внимание Жиды сосредоточено прежде всего на явлениях психологического порядка. Но революция срыгает покровы с психологии, обнажая ее интимную связь с большими вопросами социологии и политики. К своему искреннему изумлению Андрэ Жид должен констатировать, что в Советском Союзе начинают «потворствовать буржуазным инстинктам». «Меня беспокоит, когда я в сегодняшнем СССР наблюдаю, как косвенно льстят этим буржуазным инстинктам и поощряют их. С восстановлением семьи (в качестве «социальной ячейки»), права наследования, вкус к наживе, к частной собственности возьмет верх над чувствами товарищества, равенства и общности. Конечно, не у всех, но у многих. Уже сегодня видишь, как возникают слои, если и не классы общества, составляющие его аристократию; я не говорю здесь об аристократии по заслугам и личной ценности, но об аристократии благонамеренных, аристократии конформизма, которая в следующем поколении станет аристократией денежной».

На каждом шагу пришлось Жиду отмечать ряд тревожных симптомов: «Недавний закон против абортов привел в отчаяние всех тех, чьи заработки недостаточны, чтобы основать домашний очаг и обзавестись семьей. Он одинаково огорчил и многих других по иным

не возражают мне, — прибавляет он, — что в данном случае мы имели дело с маленьким, ограниченным, не в меру усердным чиновником. Нет, с нами было несколько лиц, занимавших высокие посты и хорошо осведомленных в обычаях страны». «Правда» и здесь попыталась нажать капитал: мол, кто-же вынуждал Жиду посылать телеграмму Сталину?! Как будто речь идет о телеграмме, а не о нестерпимом духе византизма, от которого стало не по себе Жиду!

причинам: разве по вопросу об этом законе не был обещан своего рода плебесит, опрос народного мнения, который и должен был решить участь этого закона? Огромное большинство высказалось (более или менее открыто) против этого закона, но с этим мнением не посчитались и закон прошел в обстановке будто бы всеобщего приятия».

Андрэ Жид большой и искренний друг революционной России. Сталкиваясь с отрицательными чертами в социальной психологии нового складывающегося общества, он пытается объяснить и смягчить их: многие уступки старому быту, как восстановление авторитета семьи, права наследования и т. д. делаются под влиянием возрастающей угрозы войны, «продиктованы страхом перед ней». Конечно, «советскому гражданину надо дать ощущение, что ему есть что защищать. Но именно так постепенно притупляется и теряется первоначальный импульс и взор перестает быть обращен вперед. Мне конечно скажут, что это необходимо, так как нападение на фланг грозит разрушить все. Но на путях от приспособления к приспособлению компрометируется все дело».

К числу таких неумовимых, но глубоко компрометирующих дело великой революции явлений Жид относит «презрение или по меньшей мере равнодушие тех, кто живет на солнечной стороне» к «низшим»: «к прислуге, к чернорабочим, к людям поденного труда, я мог бы почти сказать — к бедным вообще. Правда, в Советском Союзе нет классов. Но есть бедные. Их слишком много. А я ведь надеялся их здесь больше не увидеть или даже точнее: именно, чтобы их больше

ко о предотвращении войны, сколько о скорейшем ее прекращении в начальном фазисе, пока она еще не превратилась в мировой пожар. Отсюда — новая франко-британская инициатива.

4 декабря французское и английское правительства решили предложить другим участникам Лондонского комитета — СССР, Германии, Италии и Португалии — 1) «подтвердить свою абсолютную решимость воздерживаться от каких-либо актов, способных, прямо или косвенно, привести к иностранному вмешательству в испанский конфликт»; 2) «организовать строжайший контроль»; 3) предложить «посредничество, имеющее целью создать для всей страны в целом возможность высказать свою национальную волю».

В своем недавнем интервью с корреспондентом лондонской «Ньюс Кроникль» («Популэр», 15 декабря) Леон Блум с внушительной твердостью заявил, что «генерал Франко ни под каким предлогом не должен быть признан воюющей стороной». Это значит, что за ним ни в коем случае не должно быть признано право объявлять блокаду, обыскивать, а то и топить иностранные суда и пр., т. е. делать все то, что он с возрастающей наглостью делает — пока, правда, лишь в применении к Советскому Союзу и мелким скандинавским государствам. Но и новое франко-британское предложение стоит попрежнему целиком на почве такого истолкования «невмешательства», которое на деле уравнивает законное, демократическое правительство Испании с генералом Франко, лишая и это правительство тех возможностей военного самоснабжения и военных мероприятий, которые теоретически признаются за ним по международному праву. Новое франко-британское предложение даже расширяет сферу такого применения «невмешательства», распространяя его и на «косвенную» помощь, в первую голову на приток добровольцев, хотя советский представитель в Лондонском комитете был, конечно, вполне прав, когда указал на коренную разницу между добровольца-

ми, притекающими из демократических стран в сражающуюся на стороне испанского правительства «международную бригаду» и отдающими из идейных соображений свою жизнь на службу испанскому народу, и теми якобы «добровольцами», которые направляются в Испанию из стран тоталитарной диктатуры и, по самому политическому строю этих стран, не могут быть ничем иным, как воинскими частями, организуемыми, вооружаемыми и посылаемыми самими диктаторскими правительствами, быть может, даже помимо воли и вопреки желанию самих «добровольцев». Наконец, несомненным формальным уравниванием обеих «воюющих» сторон является и предложение «посредничества», — не говоря уже о том, насколько мало вероятной представляется возможность уладить за путях «посредничества» гражданскую войну, всколыхнувшую до дна народные массы, поставившую в порядок дня все накопленные предшествующим развитием социальные антагонизмы и переросшую в народную революцию: «Принцевыми островами» великие революции не разрешаются, а мятежные генералы и их фашистские подстрекатели и пособники сделали все, чтобы вызвать в обороняющихся от них народных массах грозный дух социальной революции...

И тем не менее, если не практически — сказать это для данного момента было бы слишком сильно — то морально-политически франко-британская инициатива идет, несомненно, на пользу республиканскому правительству Испании. Это видно уже из ответов тех, к кому обращено франко-британское предложение. Ответы Португалии, Германии и Италии являются, если не по форме, то по существу, прямым отклонением предложения или, по малой мере, попыткой заранее сделать его столь же недействительным, как и первоначальное соглашение о «невмешательстве». Наоборот, ответ Советского Союза не только положительный, но нота его считает необходимым напомнить, что именно советское правительство было действительным инициа-

здесь не видеть, я и приехал в СССР». Писатель вовсе не сторонник «уравниловки». Он признает необходимость дифференцированной оплаты труда, он ничего не имеет против стахановцев. Все дело, однако, в отношениях, складывающихся между людьми. «Как правило, выдвигаются люди, которые этого заслуживают, правда, при одном условии, что они полностью стоят на почве официальной линии».

Это создает благоприятную обстановку для образования и роста «своеобразной удовлетворенной (к тому же консервативной!) рабочей аристократии, которая слишком похожа на нашу мелкую буржуазию». Сами по себе эти выдвинувшиеся, «привилегированные» люди обладают многими прекрасными чертами. Они энергичны, общительны, они брызжут бодрим оптимизмом. И вместе с тем во всех них поражает их приподнятое чувство своей ценности, своего рода «комплекс превосходства». Откуда он возникает? Жид думает, что это чувство своего превосходства результат искусно проводимой политики сверху. Руководители советской политики заинтересованы в том, чтобы граждане СССР прониклись сознанием, что «во всем остальном мире и во всех областях жизни дело обстоит гораздо хуже, чем в СССР. Эта иллюзия поддерживается очень искусно, так как важно, чтобы каждый, даже неудовлетворенный человек благословлял режим, оберегший его от худшего».

В этой связи Жид отмечает и полное незнакомство советского общества со всем тем, что происходит за границей. Здесь дело доходит иногда до грустных анекдотов: Жиду не только спрашивали, есть ли в Париже

метро, автобусы, имеются ли во Франции такие курорты, как в СССР, но не скрывали и своего скептицизма, когда он вежливо заверял, что все это имеется за границей и даже кое-что там лучше, чем в СССР. Это отнюдь не значит, что в СССР не интересуются за границей: «Но интерес сосредоточен преимущественно на вопросе: достаточно ли мы ими восторгаемся. Беспокоит их одно: достаточно ли мы знаем об их заслугах. Они не столько хотят узнать у нас новое, сколько стремятся к тому, чтобы их хвалили».

Правда — горька. И горьки многие страницы этого взволнованного большим чувством к революционной стране свидетельства друга. И вместе с тем до сих пор это, пожалуй, единственная книга иностранца о России, после которой не опускаются руки. Истоки этого внутреннего оптимизма книги Жида в том, что он первый иностранец, сумевший не отождествить режим диктатуры, хотя и вышедший из революции, со страной революции. Жид не только сам верит, что разбуженная громадной революцией страна справится со своими ошибками, заблуждениями и пороками, он умеет эту свою страстную веру вселить и в читателя.

Из многочисленных откликов на книгу А. Жида политически важно остановиться на письме к Жиду французского коммуниста Эрбара, бывшего одновременно с Жилом в СССР. Хотя Эрбар беседами с писателем еще в СССР и был подготовлен к его книге, появление ее все-же его огорчило, так как он боится послед-

тором предложения о запрещении «добровольчества». И точно так же за предложение (обходя молчанием вопрос о «посредничестве») высказался в Совете Лиги Наций и т. Дель-Вайо. И понятно почему: республиканское правительство Испании уверено, что, если бы соглашение о «невмешательстве» и «контроле» действительно соблюдалось строго и всесторонне, то, опираясь на стоящее за ним громадное большинство испанского народа, оно без труда разбило бы мятежных генералов, вся сила которых основывается только на помощи фашистских держав; и точно так же оно уверено, что свободно выраженная «национальная воля» дала бы ему подавляющее большинство. Это хорошо понимают и его фашистские враги. С циничной открытостью пишет итальянский официоз «Пополо ди Рома»:

Весь смысл франко-британской инициативы состоит в следующем: обеспечить строжайший контроль в том случае, если сил и вооружения правительства окажется достаточно для победы над противником, ослабленным вследствие невозможности получать дальнейшую помощь со стороны; в противном же случае организовать плебисцит, чтобы дать возможность правительству сохранить те преимущества, которыми оно сейчас располагает.

Именно поэтому Португалия, Германия и Италия, решившиеся сделать все для победы фашизма и в Испании, по существу отвергают франко-британское предложение или, точнее, принимая его с оговорками по форме, заранее не скрывают своего намерения саботировать его на деле, как саботируют они соглашение о невмешательстве. И в таком случае встает вопрос: что же будут делать в дальнейшем Англия и Франция? Примирятся-ли они с тем, что «контроль», как и первоначально «невмешательство», будут практиковаться односторонне против республиканского правительства Испании и, следовательно, явятся лишь новым способом содействия победе мятежных генералов над республикой и утверждению итало-германского фаши-

стского блока на Пиренейском полуострове и во всем западном бассейне Средиземного моря? Или-же, перед лицом фашистского саботажа, они так же объявят и себя несвязанными соглашением, как объявил уже Советский Союз, т. е. ликвидируют всю политику «невмешательства» и расширят до масштаба все-европейской ту интернациональную войну на испанской почве и под испанскими флагами, о которой говорит т. Дель-Вайо? Или-же, наконец, они противопоставят фашистскому блоку твердое это и достаточную силу, чтобы заставить и этот блок «строжайше» соблюдать взятые им на себя обязательства и уважать существующее международное право и существующие международные договоры?

Вот вопросы, от ответа на которые зависят самым непосредственным образом и, быть может, в самом ближайшем будущем судьбы европейского и всемирного мира.

Инициатива политики «невмешательства» исходила, как известно, от правительства Леона Блюма. Никто не может сомневаться в том, что единственной причиной, побудившей его к такой политике, было страстное стремление к защите мира, и сам Блюм, с предельной для главы правительства прямою и откровенностью, не раз говорил о тех внутренне- и внешне-политических условиях, которые вынудили его именно в «невмешательстве» усмотреть единственно возможный в те августовские дни способ предотвратить немедленную вспышку европейской войны и притом войны, которая начаться должна была, как война и з о л и р о в а н н о й Франции против фашистского блока.

Но, как бы то ни было, как сказал сам Блюм в цитированном уже интервью, «Европа текуча, ситуация меняется так быстро, что каждый день приходится рассматривать положение на-ново». Теперь, спустя свыше четырех месяцев, очевидно, что продолжение полити-

ствий такой книги «в момент, когда враги революции вновь развязывают ожесточенную кампанию против СССР». Не утешает Эрбара и то, что Жид занят только вопросами психологии: ведь ни он сам, ни его читатель не могут отказаться от поисков причин, рождающих определенные психологические феномены, а это неизбежно приводит к вторжению в область политики и социологии. Политически существенны, по мнению Эрбара, два вывода, к которым пришел Жид:

«1. В СССР имеется тенденция к образованию классов: привилегированная бюрократия, большая дифференциация в оплате труда и т. д.

«2. Диктатура пролетариата превратилась в диктатуру Сталина или по крайней мере в диктатуру маленькой группки».

Эрбар эти факты признает: «После 10 месяцев пребывания в Москве я тоже мог убедиться в том, что режим в СССР не означает социализма». Но этот капитальный вывод Эрбар оправдывает с откровенностью последовательного бонапартиста, повидимому, не отдающего себе отчета в значении своих слов, на которые пока не решается еще ни один сталинец в Советском Союзе: «Интегральный социализм нежелателен сейчас в СССР, пока другие страны еще не совершили своих революций». Поскольку этого нет, основная задача сводится, по мнению Эрбара, «к созданию могущественного государства, управляемого абсолютистски Политбюро компартии. В плане экономическом и политическом эта власть осуществляется многочисленной бюрократией, которой надо было дать некоторые

преимущества, но которая остается полностью подчиненной директивам партии».

Книгу Жида не могли замолчать и в Советском Союзе. В большой редакционной статье «Смех и слезы Андре Жида» «Правда» (от 3-го декабря) называет Жида «какой-то пегой помесью из старого французского писателя и резвого русского белогвардейца». А ведь вчера еще Жид был для «Правды» одним из лучших представителей передовой Европы! Не стоит, впрочем останавливаться на стандартном ассортименте ругательств «Правды» по адресу Жида. Читая их, только еще раз убеждаешься в том, как прав был этот писатель, сумев отделить страну революции от ее переродившегося режима!

На заносчивый вопрос «Литературной Газеты»: «куда вернулся Андре Жид?» можно ответить: он еще не вернулся, но уже вплотную подошел к осознанию неумирающей революционной сущности демократического социализма, его решающего значения не только для завершения русской революции, но и для успешной борьбы за освобождение человечества. Возвращение на этот путь революционно-демократической интеллигенции, — если, как можно думать, Жид не останется той одной ласточкой, которая весны не делает, — будет означать громадный плюс для международного рабочего класса в его борьбе с фашизмом и для российского социализма в его борьбе за подлинную демократизацию советского режима.

В. Александрова.

ки «невмешательства» в том виде, как она проводилась до сих пор, т. е. с закрыванием глаз на фактический полнейший саботаж ее фашистскими державами, становится с каждым днем все менее возможным. В таком виде политика «невмешательства» и теперь может, конечно, «обеспечить мир», но какой? Ответ на этот вопрос дал Дель-Вайо в своей речи:

Разумеется, можно вообразить европейский мир и в результате последовательных капитуляций перед агрессивной силой разрушения и войны. С успехом скрутив Испанию — и воспользовавшись этим случаем, чтобы сохранить за собою Балеары и, быть может, другие морские базы Средиземного моря и Атлантики, — Германия и Италия могли бы начать гугу-игру в другом месте. Они могли бы точно так же поставить на колени и другие демократические страны под тем предлогом, что и они являются опасными очагами смуты и международных трудностей, и в перспективе можно было бы представить себе всю Европу умиротворенной благодаря благодетельному попечению международного фашизма.

Правда, такой мир стоил бы жизни тысячам мужчин, женщин и детей, многие столицы должны были бы подвергнуться участи Мадрида и сотни городов испытать на себе жребий Картагены и Аликанте, но официально — мир нарушен не был бы. Но, если испанское правительство сочло своим долгом потребовать созыва Совета Лиги Наций и тем взять на себя большую ответственность, то именно потому, что оно хотело самым торжественным образом подчеркнуть свою решимость по мере своих сил противиться такой парадоксальной и смертоубийственной политике мира.

Но такого «мира» не хочет, разумеется, французское правительство Народного Фронта и — что для складывающейся ситуации, быть может, еще важнее — его не может допустить и консервативное правительство Англии. Можно думать, что политике «невмешательства» — повторяем, в том виде, как она практиковалась до сих пор, т. е. с пассивным отношением ко все более кричащим актам «вмешательства» фашистского блока, — приходит конец. Намек на этот приближающийся конец мы видим в цитированных уже словах Блюма, прибавившего, что «завтрашний день может принести новую опасность или выдвинуть на первый план реальность, еще более грозную, чем та, которой нам удалось избежать вчера». О том же говорят слова британского министра иностранных дел, сказавшего в своей недавней Брэдфордской речи, что для Англии «в высшей степени важно», чтобы из нынешнего кризиса Испания вышла, «сохранив в полной неприкосновенности всю свою территорию и гарантированную от всяких угроз, откуда бы они ни исходили». И, наконец, впервые с полной ясностью представитель Франции в Совете Лиги Наций заявил, что

продолжение посылки людей и поставок снаряжения могло бы вызвать у масс представление, что их обманывают, и заставить государства **пересмотреть свою позицию.**

Таким образом есть все основания полагать, что новое соглашение о «контроле» не окажется лишь новой формой попустительства и новой ширмой для военного вмешательства фашистского блока в испанскую гражданскую войну. Но в то же время мало вероятно, чтобы ответом Англии и Франции на саботаж фашистов послужило освобождение и себя от обязательств, налагаемых соглашением о невмешательстве. Соглашение это имеет свою логику и свои, неустрашимые уже, последствия. В результате его свыше чем 4-месячного применения создалась уже ситуация, при которой открытое состязание Англии и Франции с фашистским блоком на скорость и количество вооружения участников испанской гражданской войны означало бы непосредственное развязывание войны европейской, хотя бы для начала лишь на испанской почве и в водах западной части Средиземного моря. На это не рискнут пойти правительства Англии и Франции, ибо такой образ действий их грозил бы возложить на них в глазах

их собственных народных масс ответственность за развязывание войны. На это во всяком случае не сможет и не захочет пойти французское правительство Народного Фронта, политика которого ставит себе задачей не скорейшее развязывание войны, а защиту мира до последней возможности. В этом смысле только и можно истолковать категорическое заявление Блюма английскому журналисту, что «принцип невмешательства» он «решительно поддерживает» и сейчас, хотя и знает, что принцип этот «непрерывно нарушается».

Единственно возможным последствием новой франко-британской инициативы является поэтому не отказ от «невмешательства», но и не продолжение пассивного попустительства вмешательству фашистов, а — переход Англии и Франции на третий указанный выше путь, путь решительного противодействия фашистской агрессии в Испании, путь противоставления фашистскому блоку силы, способной заставить его выполнять взятые на себя обязательства. Спасая мир, этот путь может в наличных условиях спасти и республиканскую Испанию, которую убивает оружие не мятежников, а стоящих за их спиной фашистских держав. В то же время этот путь принудительно навязывается и «грозными реальностями» сегодняшнего дня, тем фашистским итало-германским блоком, в который включается и Япония и который, и помимо воли Англии и Франции, заставляет их становиться — наряду с Советским Союзом — основным ядром складывающегося анти-фашистского блока. Симптомом консолидации этого блока является несомненная активизация «анти-фашистской» политики, так характерно сказывающаяся в многочисленных заявлениях и речах английских и французских государственных деятелей. Ее симптомом является и новая франко-британская инициатива в испанском вопросе. Более того, можно сказать, что практическое значение этой инициативы пока в том и заключается, что она открыто перед всем миром свидетельствует о новом и немаловажном шаге вперед на пути к консолидации анти-фашистского блока.

В современных международных условиях образование мощного анти-фашистского блока является единственно возможной гарантией мира.

Говоря это, мы ни на минуту не забываем о тех внутренних противоречиях, которые неизбежно таит в себе такой блок и которые подрывают его силы.

Если еще нужно было подтверждение предвидению, что всякая грядущая война поставит в порядок исторического дня дилемму: фашизм или социализм, то Испания дала такое подтверждение. Но все социальные инстинкты консервативной буржуазии и представляющего ее английского правительства отталкивают их от социализма и заражают симпатиями, если не к политической форме «сто процентного» фашизма, то к социальной функции его. Их сердце за Франко даже тогда, когда холодный разум велит им быть за Кабальеро. Но с сердцем (точно так же, как в трагикомическом эпизоде с предполагавшейся женитьбой и отречением короля!) вступают в конфликт самые жизненные интересы «империи». Победа фашистского блока в Испании угрожает безопасности этой империи, прочность которой есть основное условие социальной мощи английской буржуазии. Присоединение к анти-фашистскому блоку Японии еще усиливает опасность, но в то же время, подымая на ноги Америку, дает лишние шансы на победу. Англия вступает на «анти-фашистский» путь, но может идти по нему лишь нехотя, с непрерывной оглядкой, колебаниями и зигзагами. Пока у власти в Англии будет стоять консервативное прави-

тельство, ее «анти-фашистская» политика, а потому и ее политика мира, будет отмечена слабостью, пронизана противоречиями.

Но противоречий не может быть чужда и политика французского Народного Фронта. Не только потому, что и ему приходится оглядываться на свою консервативную буржуазию, которая (именно потому, что она менее связана «имперскими» интересами) еще более свободно, чем английская, дает волю своим социальным симпатиям к фашизму — испанскому, итальянскому и даже германскому, и не только потому, что одного франко-советского пакта и союза с Малой Антантой недостаточно для ограждения безопасности Франции и координации действий с Англией является безусловно необходимой. Нет, последовательное проведение той политики защиты мира, которая единственно способна еще предотвратить войну, крайне затрудняется для Народного Фронта и той психологией абсолютного пацифизма, которая оставлена последней войной в наследие народным массам, составляющим его основу и его силу. Этой психологией пропитаны не только широчайшие крестьянские и мелкобуржуазные массы, значительная часть которых представлена радикальной партией, но и миллионы рабочих, сотни тысяч социалистов и коммунистов, самая «левая» революционная молодежь. Повинуясь естественному чувству социально-революционной симпатии, они горячо требуют «пушек и аэропланов» для Испании, но они в то же время кричат: «новая война — ни в каком случае, ни под каким предлогом!», «на новую войну — мы не пойдем!».

А между тем защита мира единственно реальным в современных условиях методом противопоставления силам фашистского блока превосходящих их сил блока анти-фашистского, несомненно, включает в себя риск

войны. И это подлинные защитники мира непременно должны сказать и себе, и народным массам, чтобы вести защиту мира последовательно и с максимальными шансами на успех. Политика защиты мира связана с риском войны, но только с риском, между тем как отказ от нее делает войну неизбежной. Политика защиты мира дает шансы на предотвращение войны, между тем как отказ от нее не дает никаких шансов на сохранение мира и прямо провоцирует войну в условиях, наиболее благоприятных для победы фашистского варварства. Задача неустанного разъяснения реальных методов защиты мира падает на тех социалистов, которые сумели освободиться от пережившего себя пацифистского догматизма — не с тем, чтобы стать милитаристами и певцами «национального единства» и «священного единения», а с тем, чтобы показать рабочему классу новые пути, в новых условиях ведущие все к той-же старой цели — к защите мира, пока его еще можно защищать, к превращению войны в орудие освобождения трудящихся, если преступники фашизма им все-же войну навяжут.

Сама объективная обстановка толкает, как мы видели, не-фашистские державы на этот путь единственно реальной защиты мира. И задача социалистической критики вскрывающихся на этом пути противоречий, конечно, не в том состоит, чтобы взрывать зарождающийся анти-фашистский блок и наносить удары французскому Народному Фронту, этой великой надежде трудящихся не одной только Франции, а в том, чтобы помочь им с максимальной последовательностью и твердостью проводить политику мира и тем самым готовить победу дела мира, демократии и социализма над делом войны и фашизма.

Ф. Дан.

Промышленность СССР в 1936 г.

Гигантскими, беспрецедентными темпами индустриализуется Советская Россия. В истекающем 1936 году рост продукции индустрии был рекордно велик. Темпы, которыми увеличивалась продукция в 1936 году, превысили и темпы прошлого года и размеры очень высокого задания плана.

По всей промышленности план намечал годичный прирост в 23%. Отчет за 11 месяцев показывает рост в 31,3%. По тяжелой индустрии план намечал прирост за год в 26%, за 11 месяцев уже достигнут прирост в 34,1%. По легкой промышленности план намечал прирост в 29%, отчет исчисляет прирост за 11 месяцев в 34,6%. По пищевой индустрии план намечал прирост в 22%, отчет показывает 29,6%.

Только по лесной промышленности исполнение несколько ниже плана.

Если в 1932 году общий прирост валовой продукции за год был равен 8%, в 1933 г. — 8,5%, в 1934 году — 14,9%, а в 1935 году — 23,6%, то за 11 месяцев 1936 года процент прироста, как мы указали выше, равен — 31,3%.

Еще никогда за годы второй пятилетки индустрия не давала таких темпов. Подобные темпы были лишь в восстановительный период, в первые годы первой пятилетки.

Та же картина быстрого роста получается, если мы обратимся к отчетным данным отдельных отраслей, исчисленным в натуральных величинах. Чтобы устранить случайные или сезонные*) обстоятельства, сравним

итоговые отчетные данные за 9 месяцев 1936 года с соответствующим периодом 1935 года по наиболее важным отраслям индустрии.

	Прирост в %	
	1936	1935
Электроэнергия	27,5	25,8
Чугун	16,7	16,2
Сталь	32,0	27,0
Прокат	36,1	28,8
Каменный уголь	19,9	12,8
Нефть	10,6	2,4
Паровозы	55,3	37,3
Тракторы	6,8	32,0
Комбайны	94,2	143,0
Автомобили	57,6	33,2
Станки	27,1	11,7
Цемент	31,5	30,8
Хлопчатобумажная пр.	32,7	1,2
Кожев.-обувная пр.	35,5	17,4

Мы видим, что по всем отраслям наблюдается очень быстрый темп роста и почти по всем отраслям темп даже более высокий, чем в прошлом году.

Существенно отметить, что в этом году, как и прошлым, наблюдается быстрый прирост продукции легкой индустрии, но темпы этого прироста еще очень далеки от потребностей населения.

ла, что в стране с такой хозяйственной структурой, как СССР, сезонные колебания неизбежны, как наблюдаются они даже в таких индустриальных странах, как САСШ, Англия, Франция, Швеция и др.

*) Советские руководители наивно предполагали, что им удастся ликвидировать сезонное колебание. Жизнь показала,

Конечно, советская статистика тенденциозна и неточна, но какие бы существенные поправки ни вносить, внимательное и добросовестное изучение советской промышленности заставляет признать, что план второй пятилетки оказался почти выполненным к концу четвертого года, и что темпы, которые были бы совершенно неосуществимыми в условиях обычного частно-капиталистического хозяйства, оказались выполненными в условиях советского хозяйства.

Быть может, Молотов преувеличивает, когда утверждает, что «в 1936 году продукция промышленности СССР будет примерно в 8 раз больше, чем продукция довоенной промышленности, и в 5 раз больше, чем накануне первой пятилетки в 1928 году...» Но неоспоримым является тот факт, что в то время, как весь капиталистический мир еще до сих пор бьется в муках неизживаемого кризиса и до сих пор не достиг уровня 1929 года, СССР очень быстрым темпом проделывает путь промышленного развития от самых низших точек к самым вершинам промышленного прогресса и совершает это в условиях ликвидации частнокапиталистического хозяйства в индустрии*).

Этот факт нельзя отрицать, его надо понять, из него надо исходить при выработке и определении социально-политических перспектив.

Быстрый темп прироста индустрии в текущем году объясняется прежде всего громадными вложениями в капитальное строительство и освоением новых гигантских предприятий. За период 1923/24-1928 г. в государственную промышленность было вложено на цели капитального строительства 11,9 млрд. рублей, за период 1929-1932 г. — 51,4 млрд. руб., за 1933-1936 годы — 102 млрд. рублей*). Отчеты показывают, что в 1936 году строительство разворачивалось в очень широких размерах, хотя новых предприятий введено в действие меньше, чем в рекордные 1933 и 1934 годы.

Хотя в текущем году, как уже и в прошлом, подъем различных отраслей индустрии совершался значительно равномернее, чем это было в годы первой пятилетки, однако, некоторые отрасли, и в первую очередь угольная, развивались темпами, отстающими от темпов, намечаемых для них планом.

Советская власть в отношении угольной индустрии, как в отношении и других добывающих отраслей, совершила ряд крупнейших ошибок.

В других отраслях, напр., в металлургии, в металлообрабатывающей, в химической, электротехнической отраслях, была произведена полная реконструкция основного оборудования, были выстроены технически совершенные заводские корпуса, были поставлены соответствующие машины и станки, был организован внутризаводской транспорт, был установлен новый распорядок работы и новые взаимоотношения внутри производственного процесса, соответствующие новым более сложным, более культурным условиям. И только после этой сложнейшей и длительнейшей подготов-

ки была произведена рационализация и пересмотр норм выработки. В угольной же промышленности, в условиях старых забоев и лав, советская власть ограничилась в основном снабжением технического персонала и рабочих новыми врубовыми машинами и механизированными отбойными молотками и на основе этой поверхностной реформы рассчитывала добиться быстрых и устойчивых успехов.

В первые месяцы стахановские методы — рекорды, штурмовщина и премиальное поощрение — дали очень высокий эффект, но вскоре среднесуточные нормы добычи стали систематически из месяца в месяц снижаться и стали возрастать лишь после того, как одновременно с интенсификацией труда стали проводить подготовительные работы и рационализаторские мероприятия: радикальную реконструкцию всего технического и организационного хозяйства рудников.

Распространенное в советских кругах представление о том, что в добывающих отраслях промышленности можно проводить менее радикальный, менее глубокий процесс реконструкции — оказалось совершенно ошибочным.

В октябре 1935 года среднесуточная добыча угля была равна 313,6 тыс. тонн, к декабрю она поднялась до 362,2, затем из месяца в месяц падала и достигла минимума в июле 1936 — 309,6 тыс. тонн. После серьезной реорганизации условий добычи и транспорта добыча вновь стала подыматься и к ноябрю 1936 года достигла 340,1 тыс. тонн, а в первой декаде декабря стоит на уровне 350 тыс. тонн. Такой же процесс наблюдается и в самом решающем районе добычи угля — Донбассе. За 9 месяцев 36 г. уголь, из-за этой организационно-производственной ошибки, дал прирост лишь в 20%, выше прироста прошлого года, но значительно ниже плана.

Мы остановились подробнее на «провале» в угольной промышленности, чтобы показать, что хотя «срывы» и «диспропорции» 1936 года иные по качеству и по последствиям, чем бывали катастрофические «срывы» лет первой пятилетки, но все же советская власть далеко еще не овладела грандиознейшей задачей управления всей индустрией всего Союза.

Наименее велики успехи в области качественной. Качество продукции еще попрежнему очень невысоко. В области тяжелой индустрии достигнуты некоторые, притом очень важные успехи: в СССР стали строить сложнейшие двигатели, машины и аппараты, качественная сталь или алюминий стали удовлетворять техническим требованиям, синтетический каучук оказался пригоден для практических целей, советские паровозы, комбайны, тракторы, автомобили и аэропланы на рынках соседних стран начали выдерживать конкуренцию с заграничным производством. Таких успехов сейчас много, и они показывают, что техническая культура в СССР стала быстро повышаться.

Но в области производства продуктов широкого потребления качество продукции попрежнему очень низкое. Несмотря на все речи Сталина, в руководящих кругах советских хозяйственников попрежнему живет сознание, что важно дать населению продукты в большем количестве, вопрос же о качестве играет лишь второстепенную роль. Все с'едают, все потребляют. Между тем низкое качество в конечном счете снижает потребительскую ценность произведенной массы продукции.

Значительно большие успехи достигнуты в использовании технического оборудования. Коэффициент использования полезного объема доменных печей значительно улучшился: в 1935 году он равнялся 1,23 кв. м., в 1937 году он рав-

*) Более подробное освещение причин такого быстрого роста индустрии в СССР. — по сравнению не только со старыми индустриальными странами, но и со странами молодого капитализма (Японией и южно-американскими государствами), — вопросы внешних рынков, внутреннего сбыта, централизованного накопления, государственного спроса и пр. — должно быть темой специальной статьи.

*) 1923/24-1928 г. — цены текущих лет. Остальные периоды — в неизменных ценах.

няется, в среднем, за 10 месяцев 1,01 кв. м. Съем стал с кв. метра площади пода равнялся в 1935 году в среднем, 3,33 тонн, а в 1935 поднялся до 4,40 тонн. Скорость нефтяного бурения на 1 станкомес-ся равнялась в 1935 г. 347 м., в 1936 г. (к октябрю) поднялась до 549 м. Увеличились выходы со станка в текстильной промышленности.

Более целесообразное использование техники, рационализация производственных процессов, улучшение снабжения предприятий сырьем и топливом, улучшение работы транспорта, поднятие культуры технического персонала и рабочих, и главным образом интенсификация труда трудящихся, т. е. все то, что на советском языке получило название стахановщины, — определили один из самых важных факторов в развитии индустрии в 1936 году — рост производительности труда.

В атмосфере стахановских рекордов, поощряя рекордсменство, штурмовщину, рекламируя высокие заработки стахановцев, советская власть за 1936 год резко подняла все нормы выработки.

Рост выработки на отдельного рабочего поднялся в 1936 выше, чем в предыдущие годы. Из-за недостатка места мы приведем лишь несколько цифр.

Выработка на 1 рабочего, исчисленная в неизменных ценах, поднялась в 1934 году по всей промышленности на 10,7%, в 1935 году — на 15,6%, а в 1936 году (январь-август 1936 к соответствующему периоду 1935 года) на 25,5%. При этом, по отдельным отраслям рост выработки на отдельного рабочего еще более высок: в химии — 28,5%, в черной металлургии — 30,6%, в машиностроении — 26,1%, в текстильной — 27,0%. В угольной промышленности увеличение выработки равнялось — 21,7%.

Рост выработки на отдельного рабочего доказывает и то обстоятельство, что прирост производственных рабочих за 8 месяцев 1936 года равен лишь 6-8%, а прирост выработки — 32,95%.

Здесь мы считаем нужным отметить одну весьма распространенную ошибку в оценке стахановщины. Было бы неверно доказывать, что производственные результаты стахановщины невелики, утверждать, что темпы роста продукции в период стахановщины снизились или отрицать небывалый рост производительности этого года.

Между тем, критика стахановщины будет действительна и убедительна только в том случае, если исходить из того факта, который наиболее остро чувствуется каждым рабочим: из факта гигантского поднятия производительности за счет интенсификации труда рабочего.

Стахановщина имела в себе и существенные положительные элементы. Стимулирование широкого интереса к рационализации производственных процессов, пробуждение чувства ответственности за качество продукции у каждого рабочего, поднятие культурного и технического уровня среднего рабочего, стремление открыть дорогу инициативе, борьбе с рутинной и мертвящими традициями, изживание головоугодия иго начальства и бузотерства иных рабочих не штрафами и увольнениями, а примером и товарищеским воздействием.

Но, к сожалению, все эти положительные стороны получили очень малое развитие. О головоугодии, лже-рационализации, штурмовщине, рекордсменстве, как неизжитых болезнях, пишут все советские органы. К сожалению, единственный элемент стахановщины, который получил решающее развитие и который определил рост производительности отдельного рабочего —

это интенсификация труда рабочего без одновременно проведения необходимейших рационализаторских мер.

Стахановщина, в ее современной форме, плоха не потому, что из-за нее, будто бы, снизились производительные темпы роста. Она плоха, несмотря на то, что как раз в период ее применения индустрия дала рекордные темпы роста продукции, и производительность труда сильно поднялась. Она плоха именно потому, что эти производственные результаты в 1936 году достигнуты в значительной мере за счет интенсификации труда и ухудшения условий труда рабочего класса.

Советская власть старательно не публикует материалов о размерах травматизма, о динамике заболеваемости, о темпах изнашиваемости, о размерах сверхурочной работы в среде стахановцев. Мы убеждены, что серьезное изучение выявило бы все эти неизбежные последствия современной формы стахановщины.

Но в одной области эти отрицательные последствия уже проявились и стали бытовыми явлениями советской жизни.

Стахановцы своими рекордами способствовали поднятию норм выработки. На всех предприятиях СССР за последние месяцы нормы оказались подняты на 25-40%. В первые месяцы, когда большинство рабочих в угаре соревнования осуществляло перевыработку, средние заработки несколько повысились. Но весьма скоро определилось, что нормы установлены столь высоко, что их можно длительно выполнять лишь с большим напряжением. Зарботки быстро снизились, и сейчас большинство рабочих не выработывают нужного им прожиточного минимума.

Конечно, верхний слой знатных людей, высококвалифицированных рабочих, зарабатывает и сейчас хорошо, но большинство не может себе позволить пользование магазинами Гастронома, где имеются все продукты, но по ценам очень высоким.

Следует отметить, как парадокс советской жизни то, что в год рекордного роста продукции вновь значительно ухудшилось положение рядового рабочего и обострилось его недовольство.

Быть может, самым важным, самым решающим фактором последних месяцев является то обстоятельство, что война признана неизбежной и близкой. Хозяйство, в том числе и промышленность, решено подчинить регулированию в интересах обороны. Создание наркомата оборонной промышленности лишь организационно оформляет и закрепляет то, что является важнейшим фактором последних месяцев.

Только в этом свете, под этим углом становятся понятными многие на первый взгляд необъяснимые обстоятельства. Почему, несмотря на развернутую, трехсменную работу, напр., тракторных заводов, выпуски тракторов так незначительно повысились, или почему, несмотря на небывалый быстрый рост текстильной и обувной промышленности, в этом году, население не может получить, даже в универмагах, нужного ему платья или сапог.

Трагедией русского населения оказалось то обстоятельство, что в годы первых двух пятилеток оно было вынуждено отдавать государству все свое накопление во имя строительства индустрии, а, когда, наконец, наступили долгожданные дни, и начали увеличивать свою выработку предприятия, обслуживающие широкое

население, тогда интересы обороны предъявили свои императивные требования... и население вновь должно примириться с тем, что сукно, шерсть, обувь, керосин, табак и пр. идут мимо него на нужды обороны.

Международная обстановка сейчас так сложна и напряжена, что имеются все основания предполагать, что в ближайшие годы советское хозяйство будет целиком подчинено интересам обороны.

А. Югов.

Новосибирский процесс

К открытию с'езда советов Сталин поднес стране новый кровавый подарок: с 20 по 23 ноября газеты ежедневно печатали пространные отчеты о разбиравшемся в Новосибирске чудовищном процессе «контр-революционной троцкистской диверсионной группы на Кемеровском руднике». В самый день открытия с'езда шестеро осужденных были расстреляны. Суд «установил» полную солидарность «троцкистского центра» с отечественными и иностранными «фашистами»: отравлением рабочих газом и устройством взрывов в шахтах они стремились «спровоцировать возмущение рабочих и подорвать доверие их к советской власти», а «организацией диверсионных и вредительских актов» подорвать хозяйственное развитие страны и ее обороноспособность. Таким путем должен был быть расчищен путь для свержения советской власти и — таков предел вождельний объединенных троцкистов и фашистов — для «реставрации капитализма».

В недавнем процессе «троцкистско-зиновьевского центра» о реставрации капитализма еще не говорилось или упоминалось лишь стыдливо и мимоходом: террористическая деятельность Зиновьева-Каменева-Смирнова и др. объяснялась более просто — их жаждой власти. В новосибирском процессе борьба с «троцкизмом» была поднята на принципиальную высоту: троцкисты это уже не просто обиженные судьбой и озлобленные честолюбцы и продажные агенты фашизма; это сознательные реставраторы капитализма, действующие в согласии с «заграничными промышленными кругами». Мысль эта проходит красной нитью через весь процесс. И это, как мы увидим, отнюдь не случайность.

Но прежде всего нужно отдать себе отчет в том, что в действительности произошло в Кемерове. Чем вызван этот процесс против вчера еще безвестных хозяйственных и инженерно-технических работников одной из второстепенных старых шахт?

Непосредственным поводом для процесса был взрыв в шахте «Центральная» 23-го сентября 1936 г., во время которого было убито 10 и тяжело ранено 14 шахтеров. Обстановка работы на шахте по существу очень правдоподобно рисуется в отчете корреспондента «Правды» (от 21-го ноября):

«Работать на шахте «Центральная» становилось невозможно. Лучшие стахановцы, бесстрашные и мужественные люди с опаской выходили на работу.

На забой наступал газ. С какой-то неумолимой точностью он заполнял шахту.

В одиночку и целыми группами ходили шахтеры к управляющему Носкову, жаловались на невозможные условия работы. Требовали устроить вентиляцию. Ходили к главному инженеру шахты Коваленко. Отправлялись к главному инженеру всего Кемеровского рудника Пешехонову. Всюду их успокаивали, утверждая, что процент газа в шахтах нормальный. А упорствующих встречали окриками:

— Врете, газа нет. Лодыри, не хотите работать. Срывае-те добычу».

Судебный отчет дополняет эту картину. Свидетель Бобров показал, что «в забоях накапливался газ, вентиляции фактически не было». Свидетель Чекалин отметил, что «на рабочих собраниях неоднократно указывалось на безобразное состояние вентиляции, на скопление газов в шахте. И когда рабочие требовали наладить вентиляцию, обвиняемый Лященко заявлял им, что в шахте якобы нет моторов». Обвиняемый Леоненко подтвердил, что «в шахте не было канав для стока воды, и шахтерам приходилось нередко работать, стоя в воде». И об этом же Леоненко свидетель Поцелуеко показал, что когда «рабочие предъявляли законные претензии, Леоненко называл их лодырями, обвинял в срыве угледобычи».

Здесь краски сейчас, может быть, сгущены, но по существу это знакомая картина. В погоне за высокой, «стахановской» выработкой администрация шахты давит на рабочих и на все их жалобы имеет готовый ответ: «срывае-те добычу». И несмотря на ужасную обстановку работы с шахты действительно постоянно приходили сообщения о новых и новых выдающихся успехах. Приведу несколько примеров, относящихся к самому последнему времени перед катастрофой:

«Забойщик Центральной шахты Кемеровского рудоправления тов. Артемьев в ночь на 20 августа выполнил норму на 911 проц. 21 августа забойщик тов. Заплаткин, работая в той же шахте, выполнил норму на 1.100 проц. В тот же день забойщик Центральной шахты тов. Ширин выполнил норму на 1.255 проц.» («За Инд.» от 24-го августа).

«Значительное число рабочих Кемеровского рудника перевыполняют нормы. 21 августа свыше двух норм дали 59 человек, в том числе свыше трех норм 12 человек» («За Инд.» от 26-го августа).

«27 августа в Кемерове в шахте «Центральная» забойщик Шарифулин дал 8,5 норм, отгребщик Григорьев 455 проц., откатчик Моргачев 435 проц. 29 августа лесодоставщик Гайфутдинов выполнил норму на 468 проц., Щербаков на 410 проц.» («За Инд.» от 2-го сентября).

Последняя такого рода телеграмма была послана 23-го сентября, т. е. в самый день катастрофы: забойщик Вылегагин выполнил норму на 752 проц. и заработал в смену 229 рублей. О том, что в самый день посылки этой телеграммы в шахте произошла катастрофа, сопровождавшаяся большим числом человеческих жертв, читатели «За Индустриализацию» и других столичных газет так ничего и не знали вплоть до того, как почти через два месяца начался Новосибирский показательный процесс.

Но засекреченная для страны катастрофа не могла остаться тайной в Кузбассе. Нетрудно представить себе, какие бурные настроения она вызвала здесь в рабочей среде. Тем более, что это была лишь самая страшная, но далеко не первая катастрофа в злополучной шахте: из отчета о процессе мы узнаем, что еще совсем почти недавно, 28-го декабря 1935 года, в той же Центральной шахте имела уже место тяжелая катастрофа, лишь благодаря присутствию духа и находчивости опытного забойщика Великжанина, сумевшего буквально в самый последний момент вывести рабочих из шахты, закончившаяся не десятками человеческих жертв, а лишь двумя смертями. Сейчас все это вспомнилось, вспомнилось, что «шахтеров, многие годы работавших под землей, привычных, закаленных, стали десятками выносить из шахты угоревшими, отравившимися». По Кузбассу пошел стон: не шахта, а «газовый мешок».

Все остальное уже пошло по шаблону. Те, кому сие ведать надлежит, быстро нашли «виновных». Как нельзя более кстати, главным инженером Кемеровского рудника оказался Пешехонов, осужденный по Шахтинскому делу к трем годам ссылки; не бог весть какая

кара, видно невелика была и вина; но все же шахтинец, а это сейчас клад. Среди инженеров-коммунистов, работавших на шахте, оказалось далее несколько бывших троцкистов. Из такого материала опытные сих дел мастера «в два счета» состряпают вредительско-троцкистский заговор. По нынешним временам этого однако мало. Если уж есть троцкисты, то должно быть и Гестапо. На самой шахте Центральная нет, правда, ни одного немца. Но вот на шахте «Северная» того же Кемеровского рудника работает немецкий инженер Штиклинг, который к тому же в прошлом году ездил в отпуск в Германию. Нужды нет, что Штиклинг работает в Советском Союзе уже много лет, женат на советской гражданке, которая не перешла в германское подданство, и имеет ребенка, который тоже записан не германским, а советским подданным. Этими фактами, которые как-то плохо мирятся с представлениями о Штиклинге, как о немецком шпионе, можно и пренебречь, раз нет под руками, на горе Штиклинга, другого немца *).

С представлением о систематическом и организованном вредительстве плохо вяжутся, правда, вчерашние отчеты о производственных успехах шахты. О них сейчас нужно забыть. Сейчас все представляется иначе. В цитированном выше отчете «Правды» об этих успехах уже нет ни слова; напротив: «все шло к худшему; героические усилия рабочих не давали никаких результатов». Картина вредительства закончена.

Для полноты впечатления не хватает лишь террористических покушений на жизнь «любимых вождей». Чтобы заполнить этот пробел в суд в качестве свидетеля вызывается «привлекаемый по другому делу» управляющий Салаирским цинковым рудником Шестов, который подробно рассказывает, как руководитель Проконьевской троцкистской группы Черепухин пытался организовать в 1934 г. покушение на жизнь Молотова *). Правда, все это к обвиняемым по Кемеровскому делу не имеет никакого отношения и Черепухина нет не только среди обвиняемых, но он не вызван даже и в качестве свидетеля. Но кто же будет так детально разбираться в материалах процесса? Глав-

*) Арест Штиклинга совпал с многочисленными арестами (в Москве и др. городах) немцев, подозреваемых в шпионстве. Что в среде немцев, приезжающих в Советский Союз, особенно среди многочисленных представителей разных фирм, имеется немало агентов германской разведки, представляется вероятным; больше того: почти наверняка, что бы в этой среде не было шпионов. И очень может быть, что во время массовых арестов иностранцев в течение ноября ГПУ действительно удалось изловить и несколько шпионов. Но к Новосибирскому делу это не имеет никакого отношения, и в том списке арестованных германских подданных, который опубликован в официальном сообщении о переговорах между германским посольством в Москве и Наркоминделом («Правда» от 18-го ноября), фамилия Штиклинга даже не упоминается.

*) Это замечательное покушение на Молотова и само по себе заслуживает внимания. По показаниям Шестова, «решено было устроить катастрофу с машиной, на которой поедет Молотов. Так и было сделано. Шофером был посажен террорист Аргольд. Но из-за недостаточной скорости машина перевернулась, но катастрофа не удалась». Не по разуму усердный прокурор создал из этого не очень умного рассказа более полюбавшую случаю легенду: оказывается, что «только высокая бдительность чекистов помешала осуществлению этого покушения». Получается все же «невязка», но хорошо уж и то, что обиженный на Московском процессе Молотов, не внесенный в свое время в список достойных покушения, все же получил удовлетворение.

ное, создать впечатление о неразрывной связи вредительства, троцкизма, шпионства, терроризма, предательства...

Я меньше всего склонен обелять руководство Кемеровского рудника и его Центральной шахты. Возмутительное состояние шахты с точки зрения элементарных требований обеспечения безопасности вне сомнения. Руководство шахты и рудника свыклось с этими безобразиями, мирилось с ними, всецело поглощенное погоней за производственными «достижениями». Но разве так уж велика личная вина Пешехоновых и Носковых, Коваленок и Андреевых? Разве они не делали то самое, что делают тысячи и тысячи инженеров и администраторов в Советском Союзе, работающих под тяжелым прессом, в погоне за выполнением нередко непосильных заданий? Разве они не жили всегда под угрозой самых тяжких обвинений в случае невыполнения часто перенапряженной программы, особенно когда главный инженер рудника бывший «шахтинец», уже отмеченный официальной печатью вредительства? Разве они не были колесиками гигантской машины, ответственность за работу которой лежит на высшем руководстве советской политикой?

Мысли эти напрашиваются сами собой и возникли, конечно, и в головах рабочих Кузбасса, когда по району прошла весть о новой катастрофе в Центральной шахте. Нетрудно представить себе, какие это вызвало чувства и настроения в рабочей среде. Кемеровская катастрофа вновь властно напомнила рабочим Кузбасса, до какого бесперспектива доведены рабочие массы в системе советского псевдо-социализма. Новосибирский процесс должен был вытравить из сознания рабочих эти «несвоевременные» мысли: администраторы и руководящие инженерно-технические работники Кемеровского рудника это не переусердствовавшие проводники официальной политики; нет, здесь показали свое лицо злонамеренные заговорщики, враги Советского Союза, враги советского правительства, больше и прежде всего враги рабочего класса, исполненные жгучей ненависти к рабочим массам и мечтающие вновь подчинить их безраздельной и жестокой власти капитала. И не случайно, конечно, весь процесс, который должен был помешать рабочим массам осознать всю глубину их бесправия и эксплуатации в Советском Союзе, так заострен был на угрозе «реставрации капитализма».

Новосибирский процесс должен был локализовать гнев и возмущение рабочих Кузбасса, освободить от ответственности главных виновников катастрофы, свести бедствие, глубоко коренящееся в общих условиях нашего промышленного быта, к предумышленному злодеянию нескольких заговорщиков, вновь поднять пошатнувшийся было авторитет коммунистического начальства. Ведь оно так заботливо отнеслось к жертвам катастрофы *), так болеет сердцем о рабочих...

С. Шварц.

*) «Жены и дети погибших и пострадавших окружены заботой. Семьи десяти погибших горняков получили единовременное пособие в 3500-4500 рублей каждая. Жены горняков Максименко, Субботина, Вдовица, Юрьева, Немыхица, Нелюбига были отправлены на курорт...» («Правда» от 22-го ноября). Каким издевательством над человеческим горем звучит эта спешная отправка на курорт жен погибших во время катастрофы рабочих! И с каким чувством они поехали! Попробовала бы хоть одна из них отказаться от этого подарка!

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

Испания и Европа

I.

В феврале 1936-го года республиканская Испания провела на парламентских выборах кольцо фашистского окружения, которое грозило удушить Европу. С этого времени Испания стала самой передовой страной Европы, не по своей социальной структуре конечно, но по своей политической динамике. В первый раз после Парижской Коммуны революционный социализм стоит во главе западно-европейской страны. Республиканский народ Испании добровольно признал руководящую роль рабочего класса и дал ему мандат для защиты страны против контр-революции. В Испании не революционный переворот предшествовал гражданской войне, как в России 17-го года, но, наоборот, социальная революция развернулась из гражданской войны, навязанной фашизмом. Социальная революция возникла из оборонительной борьбы за демократию и, пустив корни в сознание масс, увеличила, подняла политическую обороноспособность демократии.

В этом смысле испанский опыт имеет огромное все-европейское значение. Он бьет по доктринерству всех сортов и направлений. Его нельзя понять и принять, исходя из политики реформизма старого пошиба, из прошлой политики Коминтерна — до поворота, из сегодняшней политики радикальной коммунистической оппозиции разных оттенков. В Испании создается на почве обороны и продвижения революции новый метод, который должен быть понят как он есть, в его применении, без социалистических и коммунистических предрассудков вчерашнего дня. Методы борьбы, которые европейский рабочий класс некоторых стран применяет последние два года, методы пролетарского единства и народного фронта, применены сейчас в Испании в условиях гражданской войны. Это методы уже оправдали себя на революционном опыте Пиренейского полуострова. Испанская социалистическая партия хотела единства в борьбе с самого начала, ей не нужно было переучиваться. Но и коммунистическая партия лояльно, со всеми политическими последствиями выполнила свой долг. В самых тяжелых условиях отражения фашистского удара она была одним из организаторов испанской демократии. Ее политика была целесообразна, она показала, что самообладание есть революционная добродетель. Можно сказать, что коммунистическая партия была не только и не столько крайним левым крылом рабочего единства и Народного Фронта, она была также одним из связывающих звеньев широкого республиканского блока.

В Испании капиталистическая верхушка неразрывно, на жизнь и на смерть, связала себя с делом фашистской контр-революции, социализм же во всех его направлениях теснейшим образом сросся с демократией. Народный фронт стал в Испании носителем демократии, широчайшей концентрацией сил, на которую когда-либо в Европе опиралось социалистическое руководство. Народный фронт в Испании не только динамичнее, он и шире французского Народного Фронта, он имеет на своем левом крыле анархо-синдикалистов, на правом крыле католическо-консервативных баскских автономистов. Но все элементы этого широчайшего Народного Фронта переплавились в революционном котле, приспособились к условиям и потребностям испанской революции. Анархо-синдикалисты стали государственниками, коммунисты показали себя последовательными демократами, реформисты оказались превосходными революционерами, консервативные федералисты борются за единую республиканскую Испанию.

Испания, раньше классическая страна недисциплини-

рованного рабочего движения, поставила сейчас на ноги Народный Фронт, изумляющий Европу не только своим многообразием, но и своей дисциплиной. Достаточно сравнить политическое развитие испанской революции в 1936 году с судорогами германской революции в трагическую зиму расколов и братоубийственной войны 1918-19 гг., чтобы увидеть, что испанская революция развивается по другой, политически более успешной линии. Она опровергла миф о недисциплинированности латинских народов. Один неверный шаг, одна политическая ошибка — и республиканский фронт мог бы распасться, а в брешь ворвалась бы торжествующая контр-революция. Этого не случилось: испанская революция обнаружила свой государственный и политический смысл. Единственный известный случай, когда угроза внутреннего конфликта стала очевидной, происходит в Каталонии между входящей в Коминтерн Социалистической партией и наполовину лево-социалистической, наполовину коммунистической — оппозиционной партией Марксистского Единства. Но эти разногласия порождены не столько испанскими делами, сколько привнесены со стороны, связаны с вопросом об отношении к Советскому Союзу. Анархо-синдикалистская Конфедерация Труда призвала с большим достоинством обе партии прекратить раздоры. Анархо-синдикалисты, призывающие марксистов к политической дисциплине и пролетарскому единству — этот случай тоже относится к положительным парадоксам испанской революции!

Не следует ни преувеличивать, ни идеализировать испанского опыта. Революционно-демократическое воспитание масс еще не закончено, революция еще не победила, страна кровоточит. Но испанская революция уже показала новый метод. Испания проходит через свою большую народную революцию, она отбивается успешно от своих Корниловых, она проделывает свою октябрьскую революцию, которая призвана изменить общественный порядок страны. Но испанский октябрь происходит без гражданской войны среди трудящихся, без диктатуры партии меньшинства. Он опирается на широчайший фронт, на широчайшую социалистическо-демократическую коалицию и обещает в случае своей победы осуществить в стране режим социалистической демократии.

II.

Испанский опыт имеет огромное значение для западно-европейского социализма и для европейского социализма в целом. Традиционные понятия путей развития Востока и Запада пересмотрены. Революция не есть больше монополия Востока, реформизм не есть больше исключительный метод социализма на Западе. Испанский опыт показал, что законы революционной динамики обязательны и для Запада, если страна брошена на путь революционного развития. Испания демократического социализма, опередившая Францию и Англию в темпе своего политического развития, может оказать огромное влияние на обе великие западные державы, может дать демократическому социализму Запада инициативный запал.

Западно-европейская демократия последних десятилетий развивалась медленно и консервативно, она имела свой медленный ритм, она давала рабочему движению большие возможности, но одновременно и связывала его, в большей или меньшей степени. Социализм приспособлялся к консервативной буржуазной демократии. Сейчас в Испании создан — пока только импровизацией — другой тип демократии, демократии анти-консервативной, революционной, анти-капиталистической, органически связанной с социализмом и рабочим движением. Эта социалистическая демократия должна ока-

зять огромное притягательное влияние на западно-европейский социализм, тем более, что пролетарское единство и Народный Фронт во Франции уже существенно изменили его облик.

Революционная Испания дает сейчас социализму всего Запада всестороннее обновление, новый, могучий импульс. Западно - европейский социализм уже не является односторонне-реформистским движением, каким он был десять лет тому назад. Он уже не однотипен. В нем представлен сейчас революционный тип движения: Испания; смешанный, синтетический, революционно-реформистский тип: Франция; и только Англия представляет пока односторонне-реформистский тип социализма, который, однако, уже привел два раза к власти рабочие кабинеты, отрицает в принципе коалицию и практиковал величайшие в мире стачки. Накануне решающих международных потрясений революционный опыт Испании приобретает для западно-европейского социализма особое значение.

Но он имеет значение не только для стран Запада. На Востоке Европы, беременном аграрной революцией и придавленным полуде-фашистскими режимами, для Польши, Венгрии, Румынии, испанский тип развития: союз рабочего класса с крестьянством в борьбе за революционную демократию — имеет большие шансы, чем механическое пересаживание консервативных демократий Запада. Для Средней Европы, для Германии и Австрии, Испания дает образец форм анти-фашистской народной революции. Не подлежит сомнению, что германский Народный Фронт будет ближе стоять к испанскому Народному Фронту, чем к французскому.

Критики Народного Фронта, упрекающие эту политическую конструкцию в консерватизме, оппортунизме, должны посмотреть на Испанию. Народный Фронт вообще не следует отождествлять с его конкретными формами во Франции, хотя и во Франции возможности Народного Фронта еще далеко не исчерпаны. Образец Испанского Народного Фронта важен особенно для стран Средней Европы потому, что в Испании рабочий класс сумел поднять подлинно всенародную революцию и связал в своей страстной борьбе неразрывно дело социализма с делом свободы. Нелегальному социалистическому движению Германии и Австрии, стран, в которых рабочий класс перед своим поражением был изолирован, есть чему поучиться в этом направлении у «отсталой» Испании.

III.

Борьба за Испанию продолжается, англо-французское предложение о не-интервенции на деле отброшено фашистскими интервенционистскими державами. Испанский фашизм не имеет серьезной политической основы в стране, его боевые кадры истощены в результате сопротивления и успехов республиканского оружия. Он может «победить» только в результате прямой германско - итальянской оккупации Испании, в обзоре германско - итальянских экспедиционных корпусов. Этим самым борьба за Испанию переносится в первую очередь в область внешней политики.

Но борьба за Испанию есть только начало борьбы за Европу. В этой борьбе европейский социализм получает сейчас новые возможности, созданные помощью, которую Советский Союз оказывает республиканской Испании. В европейской политике имеется сейчас новый факт огромного значения: намечающееся военное и политическое сотрудничество Советского Союза с испанской республикой. В ноябре эта помощь спасла испанскую революцию от военного разгрома, этим было предотвращено тяжкое политическое и моральное поражение европейского, в частности французского, социализма.

Испанская революция является сейчас передовым постом европейского социализма; связь, которая установлена сейчас между ней и Советским Союзом, связывает косвенно Советский Союз и с европейским социалистическим пролетариатом. Социалистические добровольцы из всех стран мира, сражающиеся за демократическую Испанию, научились на собственном опыте, в бою ценят значение этой советской поддержки.

Но политическая помощь Советского Союза, оказанная испанской республике, не менее существенна, чем содействие военно - техническое. Советский Союз не разлагал, но, наоборот, стремился всеми мерами консолидировать испанскую демократию в критические минуты испанской республики, после падения Ируна, когда волна революционно - социалистического недовольства слабым правительством могла снести и хрупкое здание республики. Известный видный коммунист посредничал между Кабальеро и Асаньей и явился фактическим арбитром испанской демократии.

Важнее, чем мотивы, результаты — дело испанской республики пока спасено, и в Испании не были повторены ошибки, сделанные в Венгрии в 1919 и в Китае в 1927 году. Метод изменился — и этот новый метод дает новые возможности. Он ставит в порядок дня вопрос о более тесной, более систематической связи социалистического пролетариата Европы с Советским Союзом, о совместной европейской политике.

Испания является исходным и узловым пунктом этой новой международной политики. Мы знаем, какова социалистическая ценность Испании, что она дала социалистическому миру. Но международная ценность республиканской Испании не менее велика: она является звеном между европейским социализмом и Советским Союзом. Помощь, оказанная испанской демократии, должна активизировать внешнюю политику европейского социализма, превратить его в активный и ведущий фактор европейской политики.

В совместной борьбе за Испанию может быть подготовлена и заключена коалиция европейского социализма с Советским Союзом, политический и военный союз социалистических и демократических стран Европы, одинаково необходимый и для охраны мира, и на случай войны, которую с непреклонным и слепым упорством готовят Гитлер и Муссолини. Путь из Парижа в Москву лежит сейчас через Мадрид. Нельзя спасти европейский мир, пожертвовав испанской республикой. Но можно еще спасти мир, освободив испанскую республику от фашистских интервентов, показав серьезнейшим образом Берлину и Риму, что в Европе нет места для колонизаторских попыток фашизма, что Испания, великая, старая культурная нация и самая молодая из европейских республик, не будет выдана на разгром фашистским оккупантам.

Это решение зависит сейчас в основном от международного и, особенно, от французского социализма. Он определяет сейчас степень международной активности или пассивности европейского демократического социализма. От решения французского социализма зависит, останется ли Советский Союз чемпионом в борьбе за мир против наступления фашизма — или же руководство этой борьбой перейдет по меньшей мере в равной степени в руки демократического социализма Запада. Французский социализм дал европейскому социализму пример целесообразной и смелой политики пролетарского единства, наряду с ней и образец политики Народного Фронта. Теперь он должен дать Европе свою внешнюю, свою европейскую политику.

Сумеет ли французский социализм дать европейской политике социалистическое руководство?

А. Шифрин.

Камо грядеши?

Куда идут, чего хотят французские коммунисты? Вряд-ли они и сами хорошо это знают. У стороннего наблюдателя получается во всяком случае впечатление, что знает это «за них» — если знает! — кто-то другой.

В конце ноября и начале декабря они, как известно, развили — исходя из испанского вопроса — резкую кампанию, направленную лично против Леона Блюма. Его старались всячески дискредитировать перед массами, упрекая в мнимой «бездеятельности». Торэз, генеральный секретарь компартии, открыто поставил вопрос о его замене другим лицом, ибо «Народный фронт не связан непременно с данным составом правительства». А 5 декабря представитель коммунистов с такой, по выражению Блюма, «расчитанной резкостью» мотивировал воздержание коммунистов при голосовании формулы доверия правительству по вопросам внешней политики, что Блюм, неоднократно заявлявший, что непременным условием сохранения власти он считает доверие в с е х составных частей Народного фронта, счел нужным немедленно созвать кабинет министров, чтобы решить вопрос, не наступил-ли момент, когда надо подавать в отставку?

Чего, собственно, добивались коммунисты, осталось неясно. Они ни на минуту не могли, конечно, серьезно думать, что замена Блюма кем-либо другим может привести к образованию правительства, готового немедленно ликвидировать политику «невмешательства» в испанские дела, которая — официально — и служила причиной их недовольства Блюмом: наоборот, при данном составе палаты, принимая во внимание настроения громадного большинства радикальной партии, на смену кабинету Блюма в лучшем случае мог бы прийти лишь кабинет, еще более строго, не за страх, а за совесть, проводящий политику «невмешательства». Коммунисты не могли не знать и того, что падение Блюма сделает вообще невозможным образование нового правительства Народного фронта: социалисты категорически предупредили их (статья Брака: «Ясности!» в «Попюлэр» от 1 декабря): «свергнуть министра-президента значит, в действительности, заставить самое социалистическую партию отстраниться от власти». И тем не менее коммунисты вплоть до 5 декабря продолжали вести свою кампанию против Блюма и нашли даже кое-какую поддержку и среди радикалов в лице Аршамбо, тоже отрицательно относящегося к политике «невмешательства». Было очевидно, что ведется какая-то большая политическая игра, связанная с вопросами внешней политики, но в которой Испания играет роль лишь одного из элементов, наиболее удобного в смысле воздействия на массы. Игра... Но какая?

Этого так никто и не узнал, ибо через 24 часа вся ситуация внезапно изменилась. В «Юманитэ» от 7 декабря появилась статья Вайан-Кутюрье, заявившая, что «Народный фронт находится в полном здравии». 8 декабря Марсель Кашен, в свою очередь, довел до сведения читателей, что разногласия по испанскому вопросу — дело вчерашнего дня, а «завтра» вступают снова в силу «лояльность и верность». И в тот же день вечером состоялось первое заседание «согласительного комитета» социалистической и коммунистической партии, который принципиально был основан уже несколько месяцев тому назад, но от созыва которого коммунисты до сих пор решительно уклонялись. На этом заседании коммунисты сочли нужным нарочито «выразить свое доверие правительству, возглавляемому товарищем Леоном Блюмом», и с этого дня весь облик

«Юманитэ» изменился как бы по волшебству: коммунисты не отказались, конечно, от своей точки зрения на «невмешательство» и продолжают пользоваться законнейшим правом всякой организации, входящей в Народный фронт, отстаивать эту точку зрения, но всякие следы кампании против Блюма исчезли так же внезапно и так же бесследно, как в свое время исчезла кампания за «Французский фронт».

Что думают по поводу такого сальто-мортале члены французской коммунистической партии и читатели ее газет, нам неизвестно. Но, в чем вряд-ли может сомневаться всякий, сколько-нибудь внимательно следящий за политической жизнью, так это в том, что разъяснения загадочного поведения французской компартии следует искать не в Париже, а в Москве. Ее внутренне-политические зигзаги являются лишь отражением зигзагов советской внешней политики. И убеждение это является тем более обоснованным, что только что благополучно закончившийся эпизод — не первый и не последний в этом роде и что все загадочные и неожиданные повороты французской компартии всегда и неизменно бывают связаны с проблемами внешне-политического порядка.

Читатели не забыли еще, вероятно, забавной истории, приключившейся с «Юманитэ» накануне той сессии Лиги Наций, которая должна была решать вопрос о допущении или недопущении абиссинской делегации. «Юманитэ» вразумительно разъясняла своим читателям, что не следует в жертву «символам» приносить «реальность»: Абиссиния мертва, и допущение делегации не воскресит ее; но оно может оттолкнуть Италию и лишить мир этого ценного союзника в борьбе с германским фашизмом. Но уже через 2-3 дня та-же «Юманитэ» приступила к обличению правительства Блюма, желающего — якобы! — «купить» проблематическую помощь Италии «предательством» по отношению к убиенной Абиссинии. В коротком промежутке, разделившем эти два «аспекта» политики французской компартии, состоялось — выступление Литвинова, показавшее, что тот флирт, который советское правительство вело некоторое время с Италией и который побудил его даже к временному запрещению всяких манифестаций в пользу Испании, закончен, и что теперь надо думать «совсем наоборот»...

«Совсем наоборот» пришлось заговорить «Юманитэ» сейчас-же после эпизода 5 декабря и о «контроле» над строжайшим соблюдением соглашения о «невмешательстве», и о запрещении отправки «добровольцев» в Испанию, когда неожиданно для нее выяснилось, что инициатором этого предложения является советский представитель в Лондонском комитете, и что советское правительство в своей ответной ноте Франции и Англии считает нужным специально подчеркнуть свой приоритет в деле столь существенного расширения и усугубления политики «невмешательства».

И, наконец, совершенно рекордный курбет пришлось проделать злосчастному органу французской компартии в самые последние дни в связи с китайскими событиями. В торжественной передовице Марсель Кашэн приветствовал 14 декабря бунт Чан-Сю-Ляна против «японского агента» Чан-Кай-Шека, как акт «национального пробуждения» Китая, как шаг к созданию китайского Народного фронта для борьбы с «японскими гитлеровцами», как подтверждение проницательности и дальновидности дальне-восточной политики «нашего Интернационала» и директив «наших великих товарищей». Но уже ровно через 2 дня, 16 декабря, в той-же «Юманитэ», под портретом того-же Чан-Сю-Ляна стоит подпись: «агент Японии», а статья Маньена опять толково разъясняет читателям, что его бунт — анти-советская интрига Японии, что он — выполни-

тель директив не «наших великих товарищей», а «японских гитлеровцев», что его «красные» лозунги — чистая, японцами-же внушенная провокация, что действительным участником построения «китайского Народного Фронта» является именно Нанкинское правительство, возглавляемое Чан-Кай-Шеком, и т. д. В коротком 2-дневном промежутке, разделяющем эти две «позиции» французской коммунистической газеты, имеется опять-таки статья «Известий», появившаяся в тот самый день 14 декабря, когда Марсель Кашэн благоговейно преклонялся перед мудростью «нашего Интернационала» и «наших великих товарищей». И по этой статье выходит, что еще и еще раз надо думать «совсем наоборот»...

Можно-ли после этого сомневаться, что источником францужско-коммунистических зигзагов и головокружительных прыжков является советское правительство? Это было бы с полбеды, если бы политика самого этого правительства имела сколько-нибудь последовательный и принципиально выдержанный характер. Но как раз за последнее время не только внутренняя, но и внешняя политика сталинской диктатуры являет картину судорожных метаний, невольно внушающую мысль о том, что что-то стало гнило, что-то пошатнулось в

этом «стальном» режиме. Беда могла бы быть сколько-нибудь смягчена, если бы московские диктаторы хотя бы своевременно предупреждали своих заграничных исполнителей о предстоящей «перемене курса». Но они не хотят делать этого — или не могут, потому что и для них самих повороты являются неожиданными?

Так выходит, что верные французские коммунисты продолжают голосить «за упокой», когда уже давно надо кричать «за здравие». Над этим можно было бы лишь посмеяться, если бы эпизод 5 декабря так ясно не показал, что при этом «невзначай» могут быть вызваны события, которые явились бы настоящей катастрофой для всего дела мира, для всего международного рабочего движения и, прежде всего, для самого Советского Союза. Взрыв французского Народного Фронта, от которого мы были 5 декабря на волосок, — разве он не был бы такой катастрофой? И разве есть хоть какая-нибудь гарантия, что завтра-же политика французских коммунистов не сделает нового 180-градусного поворота?

И. Греков.

В РАБОЧЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ РСИ И МФПС.

4-го и 5-го декабря в Париже под председательством Вальгера Ситрина и Луи Де-Брукера состоялось совместное заседание Исполкома РСИ и Генерального Совета МФПС. На собрании были делегаты от 30 стран, причем 11 стран были представлены делегатами МФПС. Кроме того на заседании присутствовали 9 представителей международных профессиональных секретариатов.

Заседание это состоялось по просьбе испанской УХТ (Унион Хенераль де Трабахадорес), — Генерального Союза Рабочих, т. е. Совета Профессиональных Союзов, находящегося под управлением социалистов. Профессиональные союзы Испании были представлены товарищами Паскуаль Томас и Карлос Хернандес, а социалистическая партия Испании товарищами Отеро, Ламонед и Вольянос.

После оживленной дискуссии, в которой принял участие ряд делегатов и которое затянулось до поздней ночи 5-го декабря, была единогласно принята резолюция, печатаемая ниже.

Наша партия была представлена тов. Р. Абрамовичем. Партию с.-р. представлял тов. Сухомлин.

ОБ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Международный Совет Профсоюзов и Рабочий Социалистический Интернационал, собравшись на совместное заседание по просьбе Генерального Рабочего Союза Испании (УХТ) и заслушав доклады представителей испанских профсоюзов и социалистической партии Испании, — принимают к сведению те шаги, которые были предприняты в различных странах для осуществления предыдущих решений, ныне вновь подтверждаемых, и с радостью и восхищением приветствуют героических рабочих Испании и товарищей из Интернациональной бригады, которые отбили наступление врага на Мадрид, ставший отныне славным символом пролетарского сопротивления против международного фашизма.

Совместное заседание обоих Интернационалов с глубоким возмущением протестует против зверств, совершаемых фашистами, которые, не надеясь больше овладеть Мадридом, стараются его разрушить бомбами, убивающими женщин и детей.

Констатируя, что фашистские державы, в нарушение всех законов международного права, оказывают все

более и более открытую и могущественную поддержку мятежным генералам, — в частности, отмечая все возрастающий прилив итальянских и германских солдат в Испанию, — оба Интернационала снова заявляют, что нельзя ставить на одну доску законное правительство испанской республики и кровавые орды заговорщиков-генералов, и что правительство Испании должно иметь полное право получать все средства, необходимые для его защиты. Они заявляют, что в настоящий момент надо концентрировать все усилия для того, чтобы помешать притоку оружия и людей к испанским мятежникам, и поэтому призывают все рабочие организации, примыкающие к МФПС и РСИ, удвоить свою бдительность для того, чтобы всеми подходящими методами препятствовать снабжению мятежников, и приглашают их создать для этой цели в каждой стране Комитеты Координации.

Оба Интернационала призывают правительства положить конец тому международному скандалу, что Франко продолжает вербовать в Марокко, на территории, как-никак подверженной международному контролю, большинство тех наемников, которых он бросает против испанского народа. Перед лицом систематического нарушения фашистскими правительствами установленного международного порядка, они заявляют, что долгом Совета Лиги Наций, заседающего по требованию Испании, является прибегнуть ко всем, находящимся в его распоряжении средствам, «пригодным для действительного спасения мира народов». Ибо задача сохранения мира, являющаяся верховным интересом рабочих масс во всех странах и стоящая, следовательно, в центре внимания правительств, руководимых социалистами или с участием социалистов, может быть обеспечена только в том случае, если демократия противопоставит твердость шантажу и угрозам фашистам.

Оба Интернационала заявляют рабочим и друзьям мира во всех странах: борьба, которая ведется сейчас в Испании — это война за демократию и за мир всего мира! Защищая Мадрид против разбойного нападения международного фашизма, героические борцы Мадрида защищают наше общее дело!

ЗАГРАНИЦЕЙ

УРОКИ ПОБЕДЫ РУЗВЕЛЬТА.

Американский народ одержал победу. Он победил восемь десятых всей американской прессы, Уолл-стрит (биржу), большинство промышленников и деловых кругов, реакционную «Либерти-Лиг» (Лига Свободы), Химический Трест Дюпона, и все фашистские и капиталистические группы во всей стране. Вся реакция, все «добропорядочные» люди, все миллионы промышленников не могли ничего поделать против воли подавляющего большинства американского народа. Вот уже 116 лет в стране не было подобной народной волны!

Горьба велась вокруг новых принципов (Нью-Дил), введенных в жизнь Соед. Штатов Рузвельтовским законодательством. Речь шла о вмешательстве государства в экономическую жизнь, об ответственности коллектива за участь каждого индивидуума, о помощи жертвам кризиса. Речь шла о хозяйственной деятельности самого государства, — как она проявилась, например, в гигантском гидроэлектрическом строительстве в долине Теннесси, — о праве коалиции для рабочих, о коллективных договорах и социальном страховании.

Вот почему на одной стороне баррикады оказались все те, кто под предлогом «американизма», защищали право неограниченной эксплуатации рабочих. Как повсюду, мантией патриотизма прикрывались самые узкие интересы крупного капитала.

Гигантская кампания развернулась в последние дни перед выборами. «Республиканцы» тратили миллионы на пропаганду, и казалось, что их демагогия имеет успех.

Но все это было вотще. Свободный народ проголосовал против могущества денег, против реакционеров всех толков, против «машин» старых партий. Ибо вокруг Рузвельта, сумевшего спокойно и с достоинством отвечать на все нападки врагов, сгрудились «мелкий люд» деревни и города, рабочие и служащие, люди прогрессивных убеждений, все те, кто поняли, что победа реакции была бы лишь прелюдией к установлению фашизма.

Даже самый поверхностный наблюдатель должен был бы заметить, что борьба велась между широкими массами трудящегося населения и привилегиями денежного мешка и собственности. В этом ничего не меняет тот факт, что носителям народного доверия оказался американский аристократ Рузвельт. Он только дает возможность лучше понять ту особую форму, в которой в Америке проявляется классовое сознание: тут нет кастообразного разделения на классы, как в странах старой Европы, тут массы группируются вокруг больших принципов.

Вот почему здесь нельзя анализировать избирательных результатов так, как мы привыкли это делать в европейских странах. Так напр., число голосов, полученных социалистическим кандидатом Норманом Томасом, никоим образом не может служить показателем распространения социалистических или прогрессивных идей в Соед. Шт. Оно значительно ниже того, которое тот же Томас получил на выборах 1932 года. Но это легко объясняется, с одной стороны, недавно происшедшим расколом соц. партии как раз в самых важных и промышленных штатах, с другой стороны, тем обстоятельством, что члены профсоюзов в своем большинстве пошли за созданной некоторыми профсоюзами «Еспартией Лигой» (Нон-Партизан Лиг), призывавшей к переизбранию Рузвельта. В частности в штате Нью-Йорк профсоюзы эти пошли еще дальше, основав «Американскую Рабочую Партию», которая поддерживала, как партия, кандидатуры Рузвельта и демократического губернатора Лемана. Опыт доказал, что в американской политике появился новый элемент. Новая партия собрала в одном штате Нью-Йорк около 300.000 голосов. В этом проявилась воля рабочих к самостоятельному политическому действию. 15% голосов, собранных тут Рузвельтом и Леманом, были поданы на бюллетенях «Лейбор Парти». Этот обнадеживающий результат заставит новую партию употребить ближайшие месяцы на расширение своей организации. Надо надеяться, что по примеру Нью-Йорка и во всех других штатах возникнут Рабочие Партии или Рабоче-Крестьянские партии (Фармер-Лейбор Парти).

Но можно ли победу Рузвельта считать победой демократической партии, официальным кандидатом которой он был? Ни в коем случае. Массы голосовали за определенную политику, а не за партию. Избирательные результаты в Нью-Йорке доказывают это с полной ясностью. Нью-Йорк имеет в настоящее время городское самоуправление, избранное против Тамани-Холл, руководящей партийной организации демократической партии. С другой стороны, президентские выборы совпали с референдумом по ряду важных вопросов. В числе этих вопросов было, напр., предложение ввести пропорциональное представительство на предстоящих муниципальных выборах в Нью-Йорке. Тамани-Холл призывала

избирателей голосовать против этого предложения. Но огромное большинство избирателей высказалось за него.

Другой пример: на одобрение избирателей была поставлена новая муниципальная конституция, упрощающая управление и делающая его более прогрессивным. Тамани-Холл высказался против этого проекта, но масса избирателей руководилась своим собственным суждением и двумя третями голосов одобрила предложенные изменения.

Аналогичные факты наблюдались и в ряде других штатов. Так, напр., в штате Нью-Хемпшир и Южная Дакота массы голосовали за демократического президента и за республиканского губернатора. Республиканский сенатор Бора получил в штате Идаго почти столько же голосов, что и Рузвельт.

Американские избиратели обнаружили на последних выборах большую степень интеллигентности и политической зрелости.

В эпоху, когда почти повсюду находятся люди, мечтающие об «авторитарном государстве», американские выборы доказали:

1) что большой народ, господствующий над целым континентом, сумел выйти из самого ужасного кризиса чисто демократическими методами;

2) что и при режиме демократии исключительно сильная личность может увлечь за собой совокупность нации.

Другими словами, действительно свободный народ в состоянии свободно избрать себе действительных вождей.

Так как президент Соед. Шт. в то же время является главой правительства, то сейчас же возникает вопрос: какова будет линия поведения Рузвельта в течение его второго президентства? Его избирательные речи были несколько неопределенны. Он, разумеется, будет попрежнему продолжать свою политику «Нью-Дил». Но много ли от нее осталось после знаменитых «разъяснений» Верховного Суда? Впрочем, целый ряд правительственных мероприятий еще должны будут подвергнуться суждению Верховного Суда, в том числе «Лейбор-Акт», — хартия прав трудящихся. Если Рузвельт не хочет разочаровать массы, ему придется найти какую-нибудь другую юридическую форму для своей Н. Р. А. Ему надо будет также улучшить социальное законодательство, в частности закон о социальном страховании, и закрепить право коалиций и коллективного договора. Но как все это сделать, если на пути окажутся конституционные рога? Решится ли Рузвельт на рискованный путь пересмотра конституции? Вопрос этот в самое ближайшее время может приобрести жгучий интерес.

Затем, какова будет внешняя политика Рузвельта? Новый президент пойдет по пути международного сотрудничества так далеко, как только ему позволит настроение американского народа. Он явным образом принадлежит к числу тех государственных людей, которые в этой области обладают максимальной смелостью, — но ему придется держаться внутри тех рамок, которые даны американской психологией и боязнью американских масс быть втянутыми в европейскую войну. Впрочем, торговые договоры, в частности соглашения с Францией и Англией уже ясно определили путь, по которому Рузвельт собирается идти. Многое будет зависеть, с другой стороны, от поведения и воли европейских демократий. Какой будет выигрыш для дела мира и свободы, если этим демократиям удастся заручиться активной поддержкой Соед. Шт. в деле сохранения демократии и безопасности народов!

Тони Зендер.

От редакции.—Мы перепечатываем интересную статью тов. Зендера из Нью-Йорка, которая, как читатели видят, примыкает к тому крылу американского социализма, которое встало на путь образования Рабочей Партии. В одном из ближайших номеров мы постараемся осветить более всесторонне проблему американского социализма, возникшую в частности в связи с недавним расколом Соц. Партии Америки.

СТАЛИНЦЫ В ИСПАНИИ.

Газеты сообщили о кризисе каталонского правительства, вызванном разногласиями между двумя входящими в состав этого правительства рабочими организациями: так наз. ПОУМ (рабочая партия марксистского объединения) и ПСУК (объединенная каталонская социалистическая партия — организация, в которой преобладающее влияние принадлежит правому коммунистам сталинского толка).

Из статьи Виктора Сержа «Преступления в России, интриги в Испании», помещенной в № 236 «Ля Революсион Пролетариенна», органа революционных синдикатов, мы занимаем следующие строки, бросающие свет на источник кризиса:

«В Испании имеется большая рабочая оппозиционно-коммунистическая партия, т. е. партия, решительно враждебная

сталинской концепции социализма, тоталитарному государству, бюрократической системе, так наз. ПОУМ...

«В момент образования мадридской «хунты обороны» один лишь партийный комитет не покинул столицы — комитет ПОУМ. Но, хотя влияние этой партии по малой мере равно влиянию сталинской партии, в хунту обороны ПОУМ не был допущен. Социалисты, синдикалисты и анархисты желают сотрудничества с ним... Анархист-министр Жуан Лопец (КНТ — Национальная Конфедерация Труда) имел по этому поводу с делегатами ПОУМ свидание, отчет о котором опубликован в Валенской печати.

«Оказывается, в хунту обороны ПОУМ не был допущен по ультимативному требованию сталинской партии и мадридского полпредства СССР. «Баталья» (барселонский орган ПОУМ), комментируя этот неслыханный факт, пишет в номере от 27 ноября: «совершенно недопустимо, чтобы оказываемая нам кое-какая помощь служила предлогом для навязывания нам определенных политических доктрин, для наложения вето и для фактической узурпации руководства испанской политикой».

«Теперь становятся понятны и другие акты насилия против испанских революционеров: разгром мадридского дома коммунистической молодежи сталинской бандой и запрещение мадридского органа ПОУМ — это первое покушение на свободу мнений в режиме революционной демократии.

«Баталья» прибавляет, что «советское консульство в Барселоне руководит направленной против нас кампанией ругани и клеветы».

«Можно прибавить: и кампанией угроз, потому что испанские сталинцы уже позволяют себе говорить о том, что они «дадут почувствовать свою железную руку»...

«28 ноября барселонское советское консульство разослало печати злобное сообщение, формально обвиняющее печать

ПОУМ в том, что она «запродалась международному фашизму». «Требалл», орган барселонской сталинской партии (ПСУК), третирует товарищей из ПОУМ, как «агентов Франко-Гитлера-Муссолини», прибавляя, что оно и не удивительно, так как это — троцкисты и, следовательно, «как доказал московский процесс», агенты Гестапо...

«29 ноября «Баталья» с большим достоинством и сдержанностью отвечает на эти клеветы... Но тут имеет место какое-то задушиное вмешательство, тем более удивительное, что ПОУМ участвует в каталонском правительстве, в котором его представитель Нин занимает пост министра юстиции: цензура запрещает перепечатку статьи «Батальи» в других газетах. И одновременно становится известно, что идут темные интриги в целях удаления ПОУМ из каталонского правительства»...

От редакции. — Ко времени сдачи этого номера в печать образовалось новое каталонское правительство, в состав которого представители ПОУМ уже не входят.

Мы низколько не намерены брать под свою защиту политику троцкистов, поскольку именно она является руководящим элементом ПОУМ. К сожалению, опыт показал, что до сих пор троцкистское сектанство играет повсюду в международном рабочем движении разлагающую роль.

Но с самым решительным осуждением приходится отнестись к тем методам борьбы с другими идейными течениями в рабочем движении, которые и в Испании, как во Франции и во всем мире, применяют сталинцы. Никакая помощь, оказываемая испанским республиканцам Советским Союзом, не может оправдать этой политики взрыва и раскола Народного Фронта, подготавливающей поражение испанской революции, для победы которой нужно не одно только оружие!

Как подготовлялся московский процесс

(Из письма старого большевика) *)

Сказать, что процесс Зиновьева-Каменева-Смирнова нас здесь как обухом по голове ударил, значит дать только очень бледное представление о недавно пережитом, — да и теперь еще переживаемом. Речь идет, конечно, не о настроениях так наз. «советского обывателя». Этот последний вообще отчаянно устал от всякой политики и ни о чем другом не мечтает, как только о том, чтобы его оставили в покое, дав ему возможность пожить спокойно. Речь идет о настроениях того слоя, который еще недавно считал себя имеющим монопольное в стране право заниматься политикой, — о настроениях, так сказать, офицерского корпуса партии.

Настроения в этих кругах **минувшей весной и летом** были спокойными и благодушными, — как давно уже у нас не бывало. Теперь, оглядываясь назад, многие, правда, замечают немало тревожных симптомов. Но это все — мудрость задним умом. Тогда же общей была уверенность, что самые тяжелые дни позади, — что впереди лежит полоса, пусть медленная, но во всяком случае несомненного улучшения положения, — в области как экономической, так и политической. Значения конституции никто не преувеличивал. Знали, что в основном она вызвана потребностями политической подготовки к войне. Но общей была мысль, что именно эти потребности сделают на ближайшее время невозможными особенно острые вспышки террора и несколько стабилизируют положение.

Все это создавало настроения какой-то уверенности в завтрашнем дне, — и с этой уверенностью мы раз'езжались на летний отдых, который в нашем быту стал играть теперь такую важную роль, какой он никогда не играл в старые времена. Не случайно у нас в ходу острога, что право на летнюю охоту, это — единственное из завоеванных революцией прав, которого сам Сталин не рискует отобрать у партийного и советского сановника... В начале августа стало известно, что часть членов Политбюро в отъезде, что скоро уезжает Сталин и в делах начнется летний мертвый сезон,

когда у нас обычно никаких крупных решений не принимают, когда никаких больших событий не случается.

И вот вместо затишья — процесс, которого даже у нас никогда не бывало... Только теперь начинаем приходить в себя, — и понемногу понимать, как и что случилось. Конечно, выясняется, что случившееся совсем не было случайностью: у нас случайностей вообще бывает много меньше, чем может казаться со стороны.

Среди предсмертных заветов Ленина едва ли есть хотя бы один, за который так цепко держалось бы наше «партиководство», как за его настоятельный совет не повторять ошибок яковинцев, — не вступать на **путь взаимного самоистребления**. Считалось аксиомой, что в борьбе с партийной оппозицией можно идти на многое, — только не на расстрелы. Правда, кое-какие отступления от этого правила делались уже давно: расстреляли Блюмкина, расстреляли еще нескольких троцкистов, которые по поручению своей организации пробрались в секретный отдел ГПУ и предупреждали своих товарищей об имеющихся в их среде предателях, о предстоящих арестах. Но эти расстрелы всеми рассматривались, как мера исключительная, применяемая не за участие во внутри-партийной борьбе, а за измену служебному долгу. Такие проступки всегда советская власть карала более строго: ведь был же в 1924-25 гг. расстрелян один меньшевик, который пробрался в секретариат ЦКК и похитил оттуда какие-то документы для пересылки в «Соц. Вест.», — в то время, как о применении расстрелов в меньшевикам вопрос серьезно не ставился даже во время так наз. «меньшевистского процесса».

Впервые вопрос о смертной казни за участие во внутри-партийной оппозиционной деятельности встал в связи с **делом Рютина**. Это было в конце 1932 г., когда положение в стране было похоже на положение времен кронштадтского восстания. Восстаний настоящих, правда, не было, — но многие говорили, что было бы лучше, если бы иметь дело надо было с восстаниями. Добрая половина страны была поражена жестоким голодом. На голодном пайке сидели и все рабочие. Производительность труда сильно упала, — и не было возможности ее поднять, ибо речь шла не о злой воле рабочих, а о физической невозможности хорошо работать на голодный желудок. В самых широких слоях партии только и разговоров было о том, что Сталин своей политикой завел страну в тупик: «поссорил партию с мужиком», — и что спасти положение теперь можно только устранив Сталина. В этом духе высказывались многие из влиятельных членов ЦК; передавали, что даже в Политбюро уже готово

*) Перед самой сдачей номера в печать мы получили обширное письмо старого большевика, сообщающее крайне интересные сведения о настроениях и борьбе течений в советских верхах и бросающее свет на условия, в которых подготовлялся и проводился процесс Зиновьева-Каменева.

Размеры письма и позднее получение его лишают нас, к сожалению, всякой возможности напечатать его в настоящем номере целиком. Окончание письма нам приходится отложить до первого номера 1937 года. — Редакция.

противо-сталинское большинство. Вопрос о том, что именно нужно делать, — какой программой нужно заменить программу Сталинской генеральной линии, обсуждался везде, где только сходились партийные работники. Неудивительно, что по рукам ходил целый ряд всевозможных платформ и деклараций. Среди них особенно обращала на себя внимание **платформа Рютина**. Эта платформа носила определенно «мужикофильский» характер, выдвигая требование отмены колхозов и предоставления мужику возможности хозяйственного самоопределения. Но не это особенно привлекало к ней внимание: «мужикофильскими» тогда были платформы не только «правых», — вроде напр., платформы Слепкова, — но и недавних «левых», троцкистов, которые по существу и несли на себе политическую ответственность за всю генеральную линию, так как именно они были ее первыми идеологами. Из ряда других платформ Рютин выделяла ее **личная заостренность против Сталина**. Переписанная на пишущей машинке, она занимала в общем немного меньше 200 страниц, — из них больше 50 было посвящено личной характеристике Сталина, оценке его роли в партии, обоснованию тезиса, что без устранения Сталина невозможно оздоровление ни партии, ни страны. Эти страницы были написаны с большой силой и резкостью и действительно производили впечатление на читателя, рисуя ему Сталина своего рода злым гением русской революции, который, движимый интересами личного властолюбия и мстительности, привел революцию на край пропасти.

Именно эти страницы создали успех платформы Рютина, — они же предопределили все дальнейшее митарство ее автора. О платформе много говорили, — и потому неудивительно, что она скоро очутилась на столе у Сталина. Конечно, начались аресты и обыски, — причем взяты были не только все, кто имел отношение к распространению платформы Рютин, но и люди, причастные к распространению всех других документов. Рютин, который в то время находился не то в ссылке, не то в изоляторе (где и была написана его платформа), был привезен в Москву, — и на допросе признал свое авторство. Вопрос о его судьбе решался в Политбюро, так как ГПУ (конечно, по указанию Сталина) высказалось за **смертную казнь**, а Рютин принадлежал к старым и заслуженным партийным деятелям, в отношении которых завет Ленина применение казней не разрешал.

Передают, что дебаты носили весьма напряженный характер. Сталин поддерживал предложение ГПУ. Самым сильным его аргументом было указание на рост террористических настроений среди молодежи, — в том числе и среди молодежи комсомольской. Сводки ГПУ были переполнены сообщениями о такого рода разговорах среди рабочей и студенческой молодежи по всей стране. Они же регистрировали немало отдельных случаев террористических актов, совершенных представителями этих слоев против сравнительно мелких представителей партийного и советского начальства. Против такого рода террористов, хотя бы они были комсомольцами, партия не останавливалась перед применением «высшей меры наказания», — и Сталин доказывал, что политически неправильно и нелогично, карая так сурово исполнителей, щадить того, чья политическая проповедь является прямым обоснованием подобной практики, — только с советом не размениваться на мелочи, а ударить по самой головке. Ибо платформа Рютин, — утверждал Сталин, — является ничем иным, как обоснованием необходимости убить его, Сталина.

Как именно разделились тогда голоса в Политбюро, я уже не помню. Помню лишь, что наиболее определенно **против казни говорил Киров**, которому и удалось увлечь за собою большинство членов Политбюро. Сталин был достаточно осторожен, чтобы не доводить дело до острого конфликта. Жизнь Рютин тогда была спасена: он пошел на много лет в какой-то из наиболее строгих изоляторов. Но всем было ясно, что большие вопросы, вставшие в связи с этим небольшим делом, в той или иной форме должны вновь встать перед Политбюро.

И они действительно встали, но только в совсем иной обстановке, чем обстановка зимы 32-33 гг.

Лето и осень 1933 г. были для Союза переломными, — и притом переломными сразу в двух отношениях: в отношении политики внутренней и политики внешней.

Урожай того года, — надо это признать, — был здесь для всех полной неожиданностью. Мало кто верил, что при тогдашней разрухе удастся обработать поля и собрать хлеб. В этом несомненная заслуга Сталина, который проявил исключительную даже для него энергию и сумел заставить всех работать до изнеможения. Он несомненно понимал, что для него то лето во всяком случае было решающим: если б оно не улучшило экономического положения, раздражение против него нашло бы тот или иной выход. Когда же выданы были итоги лета, будущ хороши, в настрении партийных кругов произошел психологический перелом. По существу только теперь широкие слои партийцев поверили, что генеральная линия действительно может победить, — а по-

верив, изменили свое отношение к Сталину, с именем которого эта линия была неразрывно связана. **«Сталин победил»**, — говорили даже те, кто еще вчера просили достать им для прочтения платформу Рютин. С тем большей настоятельностью вставал вопрос о том, как же именно это улучшение хозяйственного положения должно отразиться на политике.

Положение осложнялось и тем, что одновременно во всей полноте встали основные **вопросы внешней политики**. Первые месяцы после прихода Гитлера многим здесь казалось, что третий райх — только мимолетный эпизод в истории Германии, — что Гитлер продержится едва ли не несколько месяцев, за которыми наступит жестокий крах и революция. Мало кто допускал возможность, что «империалисты» Англии и Франции позволят их «наследственному врагу» довести до конца программу вооружений, — и фразы Гитлера о походе против Союза не брали в расчет. Только очень медленно приходили к выводу, что положение значительно более серьезно, чем это хотелось бы думать, что превентивных операций против Гитлера на Западе ждать не приходится и что подготовка похода против России идет полным темпом.

Большое впечатление произвели данные, раскрытые исследованиями о немецкой пропаганде на Украине и особенно о так называемом **«гомосексуалистском заговоре»**. Этот последний, — он был раскрыт в самом конце 1933 г., — состоял в следующем: кто-то из помощников немецкого военного атташе, ставленник и последователь известного капитана Рема, вошел в гомосексуалистские круги Москвы и, прикрываясь этой фирмой, — тогда бывшей у нас вполне легальной, — наладил целую сеть для проведения нац.-соц. работы. Нити протянулись и в провинцию, — в Ленинград, Харьков, Киев; в дело оказалось запутанным очень много лиц из представителей литературно-артистического мира: личный секретарь очень видного артиста, — известного своими гомосексуалистскими наклонностями, крупный научный сотрудник Института Ленина, уже опубликовавший несколько научных работ, и т. д. Эти связи немцами использовались не только для собирания военной информации, но и для разложения советско-партийных кругов. Цели, которые ставили перед собою руководители этих заговоров, шли настолько далеко, что пришлось вдаль заглянуть и руководителям советской политики. Так постепенно нарождался тот поворот во внешней политике, который вскоре затем привел ко **вступлению в Лигу Наций и к созданию «народного фронта» во Франции**.

Этот поворот, естественно, прошел не без больших споров. Победить инерцию прежней ориентации: с немцами, хотя бы правыми, для взрыва держав-победительниц, — было нелегко. Тем более, что, — как всем было ясно, — ориентация на западно-европейские демократические партии была неизбежно связана со значительными переменами и во **внутренней политике**. Именно в это время особенно выдвинулся **Киров**.

Последний в Политбюро вообще играл заметную роль. Он был что называется «сто процентным» сторонником генеральной линии и выдавался непреклонностью и энергией в ее проведении. Это заставляло Сталина весьма высокого его ценить. Но в его поведении всегда была некоторая доля самостоятельности, приводившая Сталина в раздражение. Мне передавали, что как то, недовольный оппозицией Кирова по какому то частному вопросу, Сталин в течение нескольких месяцев, под предлогом невозможности для Кирова отлучаться из Ленинграда, не вызывал его на заседания Политбюро. Но применить более решительные репрессии против него Сталин все же не решался: слишком велики были круги недовольных, чтобы можно было с легким сердцем идти на увеличение их таким видным партийным работником, каким был Киров. Тем более, что в Ленинграде Киров сумел окружить себя людьми, ему вполне преданными, и новый конфликт с «ленинградцами» мог быть едва ли не более серьезным, чем во времена Зиновьева. К зиме же 33-34 гг. положение Кирова было настолько прочным, что он мог себе позволить вести некоторую **самостоятельную линию**. Эта линия сводилась не только к более последовательному проведению, так сказать, **«западнической ориентации»** во внешней политике, но и в области **выводов из этой новой ориентации для политики внутренней**.

Вопрос об этих последних выводах у нас стоял так: поскольку военный конфликт неизбежен, к нему надо готовиться не только в области чисто военной, — создание мощной армии и пр., — но и в области политической, — создание необходимой психологии тыла. Эта последняя область предвоенной подготовки допускает две различные линии поведения: с одной стороны, можно продолжать прежнюю линию беспощадного подавления всех инакомыслящих, неуклонного завинчивания административного пресса, если надо, даже усиления террора; с другой, — можно сделать попытку «примирения с советской общественностью», т. е. поставить ставку на добровольное участие последней в поли-

тической подготовке тыла для будущей войны. Наиболее яркими и убежденными сторонниками этой последней линии стали **М. А. Горький** и **Киров**. О роли Горького, которая в нашей жизни была очень значительна, надо было бы поговорить особо, — тем более, что теперь, после его смерти, о ней можно говорить с большей откровенностью, чем это делалось раньше. Это — совсем особая и большая тема. Он пользовался большим и, — надо признать, — благотворным влиянием на Сталина. Но Горький, при всей его влиятельности, не был членом Политбюро и не принимал непосредственного участия в выработке решений последнего. Тем больше была роль Кирова.

Этот последний выступил защитником **идеи постепенного ослабления террора**, — общего и внутри-партийного. Не нужно преувеличивать значения его предложений. Не забывайте, Киров был один из тех, кто стоял во главе партии в период первой пятилетки, т. е. тех, кто вдохновил и провел недоброй памяти походы на деревню, раскулачивание; в его непосредственном ведении находились Кемское поморье и Мурман, с их Белморлагом; ему было подведомственно строительство Балтийско-Беломорского канала. Этого достаточно, чтобы понять, что в излишней шепетильности в обращении с человеческими жизнями его обвинять ни в коем случае нельзя. Но для той среды, в которой ему приходилось выступать, это было его сильной стороной: взяв на себя всю свою долю ответственности за ужасы первой пятилетки, он с тем большей смелостью мог выступать идеологом смягчения террора для периода второй пятилетки.

Период разрушения, который был необходим для уничтожения мелко-собственнической стихии в деревне, — приблизительно таков был ход его мыслей, — закончен. Хозяйственное положение колхозов прочно, — и в будущем оно может только улучшаться. Это создает прочную базу для дальнейшего развития страны: поскольку экономическое положение страны будет идти на улучшение, постольку широкие демократические слои населения будут все больше и больше примиряться с властью. Круг «внутренних врагов» будет все сужаться и сужаться, — и задача партии состоит в том, чтобы помочь собиранию сил, которые способны ее поддержать на этой новой фазе хозяйственного строительства, — в том, чтобы расширить базу, на которую советская власть опирается. В частности, Киров выступил решительным сторонником примирения со всеми теми элементами партии, которые были отброшены в оппозицию в период борьбы за пятилетку и которые теперь, после завершения «деструктивного» этапа развития, готовы принять новую базу. Передают, что в одной из своих речей он заявил, что «у нас нет больше непримиримых врагов, которые составляли бы серьезную силу». Все старые группы и партии расплавлены в период борьбы за пятилетку, и с ними по серьезному считаться не приходится. Что же касается до тех новых врагов, которые появились за этот последний период, то, за исключением единиц, среди них нет таких, с которыми мы не могли бы столкнуться, если будем проводить политику примирения.

Эта проповедь Кирова (по существу тоже, — быть может, только с большей силой, — проповедывал и Горький) имела большой успех среди **партийных верхов**. Вы не должны думать, что этим последним легко далось напряжение периода первой пятилетки. Ужасы, которыми сопровождался поход на деревню, — об этих ужасах вы имеете только слабое представление, а они, эти верхи партии, все время были в курсе всего совершавшегося, — многими из них воспринимались крайне болезненно. Мне рассказывали об одном с этой точки зрения весьма показательном инциденте. Кажется в конце 1932 г., в Ленинграде было какое-то собрание литературной молодежи, на которое был приглашен **Калинин**. Это собрание совпало с каким-то юбилеем ГПУ, — едва ли не 15-тилетним юбилеем основания Чека. Возможно даже, что это собрание стояло в какой-то непосредственной связи с этим юбилеем. Во всяком случае на собрании читалось много стихов, посвященных Чеке. Основная нота, в этих стихах звучавшая, было пожелание, обращенное к Чеке, — «пусть беспощаднее разит ее рука». Злые языки говорят, что Калинин в тот вечер был сильно навеселе. Если это и правильно, то это свидетельствует лишь об одном: алкоголь ослабил сопротивление задерживающих центров и дал Калинин смелость говорить более откровенно, — но все присутствовавшие на собрании в один голос свидетельствуют, что его речь звучала, как действительно наблюдавший крик сердца. После одного из наиболее кровавых стихотворений, — чуть ли не прервав чтеца-поэта посредине его торжественной декламации, — он встал и начал чуть ли не со слезами на глазах говорить о том, что террор иногда приходится делать, но его никогда не нужно славословить. Это наша трагедия, — говорил он, — что нам приходится идти на такие жестокие меры, и мы все ничего другого так не хотели бы, как иметь возможность от террора отказаться. Поэтому нужно не прославлять беспощадность Чека, а же-

лать, чтобы скорее пришло время, когда «карающая рука» последней могла бы остановиться.

Речь эта тогда произвела большое впечатление и о ней много говорили в литературных кругах не только Ленинграда, но и Москвы. Передают, что за нее Калинин потом «взлетело». Во всяком случае она показывает, почему люди, проделавшие первую пятилетку, с особенной охотой ухватились за мысли, доказывавшие возможность ослабления террора, когда к этому явились некоторые объективные посылки. **Успех Кирова** был огромен, тем более, что и Сталин против его идей прямо не возражал, а только ослаблял практические выводы из них: передают, что такое поведение Сталина объяснялось влиянием Горького, которое в то время достигло своего апогея.

Под влиянием этих идей уже летом 33 г., — тотчас после выяснения приблизительных размеров урожая, — были восстановлены в правах члены партии Каменев, Зиновьев и много других бывших оппозиционеров, причем им было предоставлено право выбрать работу себе по вкусу, а некоторым было даже дано приглашение на партийный съезд (февраль 1934 г.).

Киров на этот съезд явился как своего рода победитель. Его выборы в Ленинграде были обставлены таким триумфом, каким не обставлялись никакие другие выборы: районные конференции в Ленинграде были собраны в один день и Киров обехал их одну за другой, всюду приветствуемый торжественными овациями и криками: «Да здравствует наш Мирович!». Сделано было все, чтобы продемонстрировать, что за Кировым стоит весь ленинградский пролетариат. Торжественного приема удостоился Киров и на самом съезде. Ему устроили овацию, когда он появился в зале заседания; его встречали и провожали стоя, когда он выступал со своим докладом. В кулуарах съезда потом было много разговоров на тему о том, кто получил больше оваций: Сталин или Киров. Это, конечно, преувеличение: Сталина встречали несомненно более импозантно, чем Кирова. Но уже сам тот факт, что эти овации могли быть сравниваемы, достаточно говорит о том, какую роль играл на съезде Киров.

Последний был не только перевыбран в Политбюро, но и выбран в секретари ЦК. Предстоял его переезд в Москву и принятие им под свое непосредственное руководство целого ряда отделов партийного секретариата, которые до того находились под руководством Постышева или Кагановича. Это должно было обеспечить более последовательное проведение новой партийной линии, вдохновителем которой был Киров. Этот переезд не состоялся: официальной причиной была выставлена невозможность оставить Ленинград без ответственного руководителя. Заместителя для Кирова подыскивали, но все никак не могли найти, а переселение Кирова в Москву все отсрочивали и отсрочивали.

Но в работах Политбюро Киров участие принимал и его влияние там неуклонно возрастало.

На одном из заседаний Политбюро, — кажется, в начале лета 1934 года, — встал вопрос, который был прямым продолжением споров, возникших в связи с делом Рютина. В тот период было раскрыто несколько **групп молодежи**, — студенческой и комсомольской, — среди которой велись **разговоры на темы о терроре**. Действия террористического характера за ними никакими не числилось: если б было иначе, то вопроса о судьбе участников этих групп вообще никто не возбуждал бы. Принцип, что члены групп, перешедших к активному террору, должны быть физически уничтожены, неизбежно установлен еще со времен гражданской войны. «Действия» участников групп, раскрытых весной 34 г., не вышли за пределы самых неопределенных разговоров о том, что при полном отсутствии партийной демократии и при фактической отмене советской конституции у оппозиционеров не остается никаких других путей борьбы, как путь террора. Раньше и по таким делам, как правило, применялась «высшая мера наказания». В виду нового курса, ГПУ запрашивало инструкций. Был составлен обстоятельный доклад с рассказом о всех означенных группах. Задним числом теперь думается, что постановка этого вопроса перед Политбюро была делом не случайным, что Сталин и его ближайшее окружение делали своего рода испытание прочности новому курсу: как-то далеко пойдет Политбюро в своем «либерализме»? **Инструкция Политбюро** была дана довольно гибкая. Общего твердого указания не было дано. Рекомендовалось в каждом отдельном случае рассматривать индивидуальные особенности дела. Но общий тон решения был таков, что «высшую меру наказания» применять рекомендовалось только в крайних случаях, когда составится представление о «неисправимости» отдельных участников подобных групп. В виду этого решения все указанные дела закончились относительно мягкими приговорами: изолятором или лагерями; в некоторых же случаях арестованные отделались простой ссылкой в места, даже не особенно далекие и плохие. Именно так было ликвидировано дело о «террористах», арестованных в Ленинграде.

Вести о новом курсе стали очень широко известны в партийных кругах. Несомненно, под их влиянием отказались от своей непримиримости последние из крупных оппозиционеров, державшиеся непримиримо еще со времен «большой оппозиции»: Раковский, Сосновский и др. Это расценивалось, как крупные успехи политики «замирения» внутри партии. «Раскаившимся» сразу же давали разрешения селиться в Москве и возможность вести ответственную работу. Раковский удостоен был даже личного приема у Кагановича. Сосновского вернули на его старое амплуа политического фельетониста, правда, не в «Правду» (где он до ссылок был одним из редакторов), а в «Известия», и т. д.

Завершением успехов Кирова был ноябрьский 1934 г. пленум ЦК. Этому пленуму была предоставлена на утверждение целая программа конкретных мероприятий, которые пред-

лагалось провести в жизнь во исполнение принципиальных решений недавнего партийного съезда. Киров был главным докладчиком и героем дня. Вновь был поднят вопрос о его переселении в Москву и решен в положительном смысле. Было постановлено, что переселение это должно состояться в течение ближайших же недель, еще до нового года. Под его непосредственное руководство были поставлены все отделы Секретариата, которые были связаны с «идеологией». В Ленинград он ехал только на самое короткое время, для передачи дел своему временному заместителю. Тем острее поразила всех пришедшая оттуда телефонограмма о его смерти...

(Окончание в след. номере).

У. З.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Конституция и расстрелы. — Как объяснить? — Иллюзии Сталина. — Рост оппозиционных настроений. — Политизация общественной жизни. — Шлюзы приоткрыли. — Расправа от испуга и для испуга.

Что было причиной троцкистско-зиновьевского процесса? Как увязать гонения на оппозицию с курсом на конституцию и демократию? Кому и для чего это было нужно? Обо всех этих, вами поставленных вопросах, мы и сами много думали и не раз беседовали в тесных кружках.

Мы слишком мало знаем о том, кто и что решают в верхах, чтобы вы могли расценивать нашу информацию, как передачу вполне точных и верных фактов. Скорее можно говорить лишь о «слухах». Но у нас сложилось твердое убеждение, что усиление репрессий и расправа с 16-ю не случайность, не эпизод, а один из непреходящих элементов советской политики на ближайшее время: конституция и поправки для масс и уничтожение или кары в отношении тех, кто хотел бы использовать «демократию» для «враждебной советской власти» деятельности. Много оснований предполагать, что в тот момент, когда давалась конституция, о репрессиях еще не думали. Люди осведомленные говорят, что после совещаний со знатными людьми разных отраслей, после оценок, которыми Сталин был окружен на этих совещаниях, у Сталина создалась иллюзия, что будирует лишь узкий слой, а широкие массы рабочих, крестьян и служащих оценили сложившийся строй, как несомненное благо, и мечтают лишь об улучшении диктатуры, а не о ликвидации ее. В конституционной комиссии Сталин, говорил, доказывал, что конституция и тайные выборы послужат лишь к укреплению диктатуры и авторитета ВКП.

В удовлетворенность масс, в их преданность режиму и лично Сталину верили очень многие в большевистской среде.

Первые же месяцы обсуждения конституции, после короткого периода маниловщины и растерянности, показали совершенно иное.

Население, за долгие годы отвыкшее проявлять себя политически, а часто и переставшее думать политически, вначале очень недоверчиво реагировало на предложения «властей предержащих» высказываться о конституции: о диктатуре пролетариата, о государственном устройстве, о правах лишенцев, о свободе печати, о правах населения, о тайном голосовании, о контроле над властями и т. д.

Боялись провокации, предпочитали отмалчиваться. Нужны были уговоры больших и малых властей, убеждавших, что отныне каждый имеет право на участие в политике, что никто не пострадает за свои высказывания, что на старом поставлен крест, чтобы языки наконец развязались и население стало говорить о своих нуждах и мечтах. Надо откровенно сказать: через месяц после опубликования проекта конституции вся страна, вплоть до самых глухих углов, интенсивно обсуждала разнообразные пункты проекта и особенно усиленно те, которые касались прав населения и контроля над властью. В кратчайший срок произошла политизация собраний и интересов населения. Шлюзы оказались приоткрыты, и потоки недовольства хлынули во все щели.

Местные власти были явно напуганы. Работа многих лет по атрофированию политических интересов населения оказалась сорвана как раз к тому времени, когда она близилась к 100% успеху. К этому надо прибавить одно весьма важное обстоятельство: не следует переоценивать, но не надо и игнорировать деятельность большого количества мелких оппозиционных групп, никогда не прекращавших свою деятельность в СССР, а со времени «конституционной весны», естественно, ожививших свою работу.

Из всех областных комитетов полетели письма и доклады

Сталину. После короткого колебания Сталин решил применить острые меры, которые быстро обезвредили бы начавшееся движение. Нужно было лишить оппозиционные группы и группы возможных вождей, задуть в самом корне всякие надежды на легализацию оппозиционного движения. Был проведен процесс, были скомпрометированы, а затем расстреляны наиболее крупные оппозиционеры. Утверждают, что Ежов сменил Ягоду именно потому, что последний не проявил нужной гибкости и не заметил во время нарастающего, в связи с обсуждением конституции, движения, которое легко могло утратить свою лояльность. Сейчас на Ежова возложена задача сочетать, как мы указали выше, поправки массам с жесточайшим искоренением всего, что может способствовать росту оппозиционных настроений.

Нам кажется, что даже Ежов не выполнит эту совершенно противоречивую задачу. Конечно, нужно совершенно ничему не научиться за прожитые годы, чтобы поверить, что диктатура сама себя добровольно ликвидирует. Таких в СССР редко можно встретить. Но практическая жизнь показывает, что или конституция будет спешно ликвидирована еще до ее полного введения или она неизбежно внесет много нового в нашу жизнь. Уже сейчас на собраниях выступают рабочие или колхозники и требуют себе «прав по конституции», уже сейчас требуют при разнообразных выборах тайного голосования, «как полагается по сталинской конституции».

Недавно был случай, что при выборах в местный совет не устроили собрания на одном предприятии, и немедленно группа служащих заявила протест и потребовала перевыборов делегатов. Коммунисты рассказывают, что им строжайше рекомендуют найти новые методы обеспечения послушного состава при выборах в советы и реже прибегать к мерам репрессий. При этом они с иронией прибавляют: «попробуй не обеспечить определенный состав при выборах в советы! При тайном голосовании — это потребует большой работы»...

Рассказы из различных концов Союза говорят о том, что, несмотря на процессы, в стране, в связи с конституцией создается какое-то оживление, усилился интерес к выборам, к своим правам, к разоблачению произвола, к общественному контролю. Как все это сложится, покажет ближайшее будущее...

26 ноября.

А.

В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ.

Отклики на испанские события.

Среди рабочих много говорят об испанских событиях, о том значении, какое будет иметь исход борьбы в Испании для мировой демократии и революционного движения. Много говорят и о тактике французского правительства в этом вопросе. Признают, конечно, свою недостаточную осведомленность насчет общего международного положения, но, в общем, испытывают чувство некоторого разочарования. Говорят: мы, конечно, понимаем, что французское правительство не социалистическое, а лишь коалиционное, но нам кажется, что позиция социалистов в правительстве могла бы быть более определенной. Между прочим, надо сказать, что коммунисты пользуются политикой французского правительства в испанском вопросе для усиленных нападок на социалистические партии вообще. Говорят, что, конечно, и советское правительство, если что и сделало для помощи испанцам, то, во-первых, недостаточно, а, во-вторых, лишь в области продовольствия. Но объясняют это тем, что Советский Союз не мог взять инициативу в свои руки. А между тем необходимо прорвать во что бы то ни стало фронт фашизма, иначе неизбежно закрепление его на длительный период.

Необходимо во всяком случае отметить, что за последние годы митинги, созданные по поводу испанских событий, были первыми, по настоящему взволновавшими участвующих. Чувство возмущения против испанских мятежников и их фашистских пособников и желание прийти на помощь испанцам, борющимся за свободу, в массах искренне и очень сильно.

Поволжье, октябрь 36 г.

От редакции. — Мы печатаем это — сильно, впрочем, запоздавшее — письмо из советской провинции, главный интерес которого заключается в том, что оно освещает один из уголков настроений и психологии рабочих масс Советского Союза.

На металлическом заводе.

На нашем заводе полторы тысячи рабочих. В прошлом году количество стахановцев, т. е. рабочих, значительно перевыполнявших нормы, все время увеличивалось. Это объяснялось тем, что сравнительно невысокие нормы было трудно перекрывать, а при большой прогрессивке перекрытие их резко увеличивало зарплату. При средней зарплате по нашему заводу в 250 рублей, заработки стахановцев достигали 600-700 рублей, а отдельные рабочие зарабатывали и до 1.500 рублей. При наличии в магазинах нужных продуктов и промтоваров такие заработки являлись достаточным стимулом для каждого рабочего к усиленному увеличению своей производительности.

Совсем иначе это выглядит сейчас. Непомерно поднятые весной этого года нормы (на 30-40%, а на отдельные квалификации на 80 и большее %) немедленно сказались, конечно, на уровне зарплаты. Теперь для того, чтобы выполнить новые нормы, нужно хорошенько попотеть, тем более, что все обещания, данные нашей администрацией при введении новых норм, об упразднении всяких дополнительных подсобных работ, рационализации подачи инструмента и пр. остались, как это часто бывает, только обещаниями. Несмотря на нажим дирекции завода, производственная программа систематически недовыполняется, высокая зарплата вследствие увеличения норм перестала быть погонялкой, а как следствие этого, «производственные рекорды» стали появляться все реже и реже. Понятно, что теперь стахановцев у нас можно по пальцам пересчитать и, что еще хуже, появилось много ра-

бочих, невыполняющих нормы и невырабатывающих полную ставку.

Снова в связи с этим остро встает вопрос о нормах и зарплате. Об этом уже много говорят, но все про себя, не осмеливаясь по настоящему поставить вопрос. Да, собственно говоря, и не перед кем: профсоюз полностью от этого дела, как у нас говорят, отшился, а хозяйственник сам себе не враг, чтобы, как следует и где нужно, об этом поговорить...

Украина, октябрь 36 г.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень Экономического Кабинета проф. С. Н. Прокоповича. № 131, Октябрь 1936 г.

Знамя России, № 12 (88).

Е. Е. Лазарев. Из переписки с друзьями. Издание группы друзей. Ужгород, 1935.

Новая Россия, № 17, 1 Дек. 1936 г.

Вістник Української Громади у Франції, № 56.

Современные Записки, кн. 62.

Проблемы. Сборник третий: Перед грозой. Париж, 1936.

Friedrich Adler. The Witchcraft Trial in Moscow. Issued by the Commission into the Conditions of Political Prisoners.

Für Recht und Wahrheit. Materialien zum Moskauer Prozess. Herausgeber: Sonka. Prag.

Nachrichten des Auslandsbüros «Neubeginnen». Oktober 1936, Nr. 9. Prag.

L'étudiant socialiste. Novembre 1936, N° 2.

La Révolution Proletarienne, N° 235, 236.

Prométhée, N° 119, Octobre 1936.

International Review. November 1936. Vol. 1, Nr. 8.

Der Kampf. Nr. 12, Dezember 1936.

Que faire? Revue communiste, N° 24, Décembre 1936.

Delnicka Osveta, N° 9.

I. P. I., Informations Pédagogiques Internationales. Novembre 1936, N° 2.

Idée et Action, N° 5, décembre 1936.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 22/11, 29/11, 5/12, 15/12.

Отослаю: № № 27, 28.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1937 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(17-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

Абонемент на одно из следующих изданий:

1) «*Kampf*» — на 1/2 г. 2) «*Idée et Action*» — на полгода.

Одну из следующих книг:

1) *Otto Bauer.* Zwischen zwei Weltkriegen, 1936.
2) *Léon Blum.* La réforme gouvernementale, 1936.
3) *A. Gide.* Retour de l'U.R.S.S., 1936.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно